

ЕВГЕНИЙ ПРЯДЕЕВ

СИТИ

ДЕНЬГИ И ПЕРО

Дела медвежьи

Евгений Прядеев
Сити, деньги и перо

«Автор»

2023

Прядеев Е.

Сити, деньги и перо / Е. Прядеев — «Автор», 2023 — (Дела медвежьи)

Когда близкие люди начинают делить чьё-то наследство, дело обязательно закончится скандалом. А уж если имущества много, то и до душегубства недалеко. Но самые большие проблемы начинаются, если вещичками покойного заинтересовался загадочный полковник госбезопасности по имени Эдик. Он же не умеет решать вопросы спокойно.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	32
Глава 6	39
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Евгений Прядеев

Сити, деньги и перо

Все персонажи данной книги выдуманы автором.

Все совпадения с реальными людьми, нелюдьми, а также тварями, считающими себя людьми, абсолютно случайны. Аналогии с местами, учреждениями, любыми происходившими ранее или происходящими в настоящее время событиями – не более, чем плод фантазии. А если что-то подобное случится в будущем, то автор будет гордиться, что Провидение тоже читает его книги.

Глава 1

Почему я горжусь, что я пограничник?

Нет, совсем не за то, что 28 мая можно надеть зелёную фуражку, а затем творить разные большие или маленькие шалости. И не за песню «Офицеры границы» в исполнении Димы Горшкова. И даже не за то, что у меня есть друзья или однокашники в любом уголке нашей родины.

Прежде всего я горжусь тем, что часто видел мир с другого ракурса. Согласен, мысль корявая, но и объяснить её словами как-то проблематично. Это своими глазами видеть надо. Пограничники ходят по самому краю страны и следят за тем, чтобы он, этот краешек, оставался неизменным. Так что многое в нашей жизни удивительно само по себе, и умные люди ловят эти моменты прикосновения к прекрасному. Жаль только, что умнеют люди обычно тогда, когда живут очень далеко от этого краешка, чаще всего потом, вспоминая байки из прошлого на встречах с друзьями 28 мая.

Я, например, видел вершину Эльбруса, до которой шлёпал пешком с тяжеленным рюкзаком за плечами и проклятиями в адрес тропы, которая никак не хотела заканчиваться. И лишь на самом верху я узнал, что туристам дают сертификат за покорение горы, а пограничников только птицы облетают.

Я видел эстонских военных, удивлялся их расхлябанности в двух шагах от нашей территории, а затем понимал, что они идут в другую сторону и мы сбились с маршрута. Скажи кому – не поверят. Всего-то «делов», полкилометра в глубь чужой территории. Естественно, что мы никому и не сказали. По головке за такое не погладят. Тихонько посмеялись и пошли обратно, правда, теперь уже аккуратно оглядываясь.

Я не знаю другой такой профессии, которая может показать мир с таких же разных горизонтов, да мне, собственно, и не надо. На мой век хватит впечатлений от того, что я уже видел.

Я видел автомобильные камеры от большегрузов, плывущие по реке с грузом сигарет, и китайцев на моторных лодках с сумками чего-то запрещённого.

Я видел мёртвые деревни, которые линия государственной границы разделила пополам, и жители просто разъехались в разные стороны. Я видел леса, в которых олени и лоси выходят на людей, нисколько их не пугаясь. Я видел места, в которые никто, кроме пограничников, не заходит годами.

Я видел мир таким, каким большинство людей его даже не представляет.

Я уверен, что у каждого пограничника найдётся в памяти история о том, чего обычные люди не видели и, скорее всего, никогда не увидят. И я горжусь именно этим! Родина доверила мне быть там, где всем остальным делать нечего.

Обо всём этом я думал, стоя на взлётном поле аэропорта Внуково, где совсем скоро должен был приземлиться нужный нам самолёт. Да-да, именно. До взлётки метров триста, а до некоторых самолётов и доплюнуть можно.

Подавляющее большинство пассажиров, регулярно пользующихся услугами авиасообщения, здесь никогда не были и не будут. Сюда даже таможенников не пускают, чтобы не дай бог ничего не спёрли. Здесь ходят аэродромные служащие, курят лётчики и шествуют пограничники.

Ну и мы с Мироном. Естественно, по блату и благодаря старым связям.

– Что-то долго борта нет, – недовольно пробурчал Мирон, ёжась на холодном ветру. Казалось бы, октябрь выдался вполне тёплым, отдельные экстремалы ещё в шортах ходят, а здесь холодина, как на Северном полюсе. Впрочем, на взлётном поле всегда сильно дует, всё-таки огромный пустырь с кучей работающих авиационных моторов.

– Ой, да ладно тебе! – махнул рукой Саня Тепляков. – Только что ж отзвонились. Самолёт сел по расписанию, значит, скоро притащат к рукаву. Докурим и пойдём потихоньку.

Саня учился вместе со мной. Пускай не в одной группе, но кто обращает внимание на подобные мелочи. Казарма всегда остаётся казармой, где всё и все всегда на виду, а сущность человека выплывает наружу через крайне короткий промежуток времени.

На первом курсе мы столкнулись в наряде по столовой, затем несколько раз вместе ехали в электричке из увольнения... Всё! Этого оказалось вполне достаточно, чтобы между нами завязались тёплые приятельские отношения. Даже после выпуска, когда наш курс разъехался по самым дальним уголкам необъятной родины, мы с Саней старались не терять друг друга из виду и всегда быть в курсе карьерных изменений друг друга.

– Предчувствие у меня какое-то странное, – проворчал МIRON. – На душе беспокойно.

– МIRON, хватит психовать! – поддержал я однокашника. – Ты куда-то торопишься? Всё будет хорошо. Самолёт прилетит, человека встретим. Дай мне с однокашником спокойно пообщаться. Мы с ним уже, наверное, года два не виделись.

– Два с половиной, – поправил меня Саня. – Крайний раз на 28 мая и пересекались. Ты тогда ещё турбазу на водохранилище арендовал...

Тепляков мечтательно закатил глаза, видимо, вспоминая то сборище. На турбазу денег у меня, конечно бы, не хватило, но и три стоящих рядом друг с другом беседки обеспечили нам вполне просторную локацию для мелких шалостей. Построение, боевой расчёт, хорошее исполнение пограничных песен и прочие безобидные безобразия. Простые отдыхающие быстро смекнули, что к чему, и обходили наш сабантуй по максимально широкой дуге, стараясь не мешать отдыху.

Впрочем, мы вели себя мирно, а самым главным во всей встрече оказалось, естественно, обсуждение, кто и как сильно изменился. Кто-то растолстел, другой облысел, а Толя Синицын и вовсе оказался седым как лунь.

Жены и дети тех ребят, кто не смог вырваться в одиночку, довольно быстро поняли, что они не «в теме» и отправились гулять по территории, а мы травили и травили байки о прошлом и настоящем.

Шашлык жарился непрерывно, водка с коньяком не заканчивались, а вокруг сплошь свои, с кем пройдено не так уж и мало общих дорожек. Что ещё нужно для счастья?

– Что-то со мной он День пограничника так не празднует! – прищурился МIRON, слушая восторженные рассказы Сани про ту давнюю встречу. – Денег, наверное, на меня пожалел.

– Конечно пожалел, – невозмутимо ответил я, выщёлкивая из пачки очередную сигарету. – Нам в такие дни лишний рот – как нож по сердцу!

– О! Это ж Мерзкого присказка! – оживился Саня. – Где, кстати, этот ловелас? Слухи ходят, что он в Москву перебрался, но пока что его почти никто не видел!

– Перебрался, – не дал мне и рта открыть МIRON. – Ходит такой, важный весь, как будто коренной москвич в десятом поколении.

– Ого! – удивился Тепляков. – Как-то не очень на него похоже. А ты его вообще давно видел?

– Смотрите, это не наш самолёт? – теперь уже я перебил МIRONа и указал рукой на тягач, который тащил за собой двухэтажный «Боинг». Мерзкий в данную минуту находился не так и далеко от нас, но Сане пока знать об этом было не обязательно. Придёт время – все вместе сядем и посидим за кружкой пива, а пока у нас есть дело. Причём, если верить предчувствиям МIRONа, то достаточно проблемное.

– О, точно! Наш борт! – чуть ли не подпрыгнул Саня и буквально потащил нас внутрь здания аэровокзала. Ну что ж, мероприятие выходит на финишную прямую.

Саню к нам приставили по просьбе Эдика. Вернее, Эдик попросил руководство КПП в аэропорту оказать нам полное содействие, но я вспомнил про однокашника и решил немного переиграть сценарий нашего с Мироном задания.

Главное же что? Правильно, результат!

А победителей всё равно не судят!

Хотя я уже заранее представляю, как будет орать господин полковник, когда поймёт, что мы с Мироном и его тоже оставили с носом. Но почему-то банальная просьба встретить в аэропорту человека у меня тоже вызывала неосознанное беспокойство. А мы с Мироном давно привыкли доверять нашему подсознанию, оно всегда лучше нас чувствует любые неприятности.

Наверняка пограничное руководство очень сильно удивилось просьбе оказать в аэропорту полное содействие двум неизвестным гражданским. Но это ещё куда ни шло. Гражданские могут оказаться кем угодно, просьбы госбезопасности приличные люди исполняют быстрее приказов, так что тут ничего странного. Подобные просьбы не редкость и чаще всего заканчиваются банальщиной типа посещения магазина беспошлинной торговли или торжественной встречи чьей-нибудь супруги.

Но вот когда в сопровождающие гражданские запросили не кого-нибудь, а целого подполковника, причём ещё и с конкретной фамилией, глаз задёргался у многих.

Сам Саня удивился гораздо больше. Сначала огромному количеству инструктажей и напутствий, как быстро и безболезненно избавиться от старших братьев в лице госбезопасности, а затем от внешнего вида двух уродов, которых он заранее ненавидел. Нас он явно увидеть не ожидал.

– Не понял, – так в переводе на русский звучала его изумлённая тирада. – То есть это вы и есть те два мажора, которым надо оказать самое полное содействие во всех их маленьких шалостях?

– Ну да, – расхохотался я. – А что? Рылом не вышли? Или тебе каких-то особенных надо, которым и поджопник отвесить не очень страшно?

– Ну вообще-то, Винни, ты не медведь, а порядочная свинья, – возмутился Саня. – Если тебе что-то нужно, то мог бы просто позвонить, а не ставить моё начальство в nepотребную для него позу.

– Мог бы, – посерьёзnel я. – Но мне нужно, чтобы потом тебя не сделали крайним и не пытались обвинять во всех самых страшных грехах. Так что звонок руководству – это, в первую очередь, твоя страховка. Если что, ты теперь можешь с самыми честными глазами утверждать, что вообще ни при чём и просто исполнял приказ вышестоящего начальства.

– Ого! – Тепляков пока ещё не до конца осознал всю серьёзность сложившейся ситуации, вернее, размер той задницы, в которую мы пытаемся его затащить. – Прямо-таки тайны Мадридского двора. Ладно, обсудим, тем более у меня и правда карт-бланш практически на любые безобразия. Саня!

И он протянул руку к стоявшему рядом со мной Мирону.

– Тоже пограничник?

– Естественно, – подтвердил я прошлое друга и напарника.

– Значит, тогда споёмся, – заулыбался однокашник и обхватил меня неожиданно сильным захватом. – Ух и растолстел ты, чертяка! Видать, и впрямь на гражданке неплохо кормят!

– По-разному, – уклонился я от ответа. – Пойдём поболтаем где-нибудь в тишине.

Пока шли до кабинета, я расспрашивал Теплякова об общих знакомых и однокашниках. Всё-таки поддерживать связь со всеми – занятие крайне трудозатратное, да и отошёл я последнее время от общей тусовки. Новости оказались неутешительные. Народ бежал со службы, используя любые возможности.

– Понимаешь, вроде бы всё хорошо, – сокрушался Саня. – Работа есть, зарплату платят, иногда даже отпуск летом выпадает. Но как же утомили идиоты среди начальников! Винни, если бы ты знал, сколько их развелось. Такое ощущение, что они почкованием размножаются. Ничего не делают, никак не помогают, но зато целыми днями изобретают новые инструкции, как что-нибудь запретить или не позволить. Им всем уже далеко за полтинник, а то и за шестьдесят, они устарели морально и физически, но продолжают держаться за кресла всеми доступными частями тела. Глянешь на эти рожи – и повеситься хочется.

К сожалению, Саня был не первым, от кого я слышал подобные рассуждения. Не умеешь что-то делать – стань начальником! Этот анекдот в последнее время стал реальностью. И если один-два дурака на руководящих должностях не могут сильно испортить общий котёл каши, то когда их количество начинает превышать какую-то критическую массу, начинается хаос.

Жаль только, что умные люди никогда не останутся без работы, а границу по итогу охранять будет некому.

– Тепляков! Остановитесь! – Голос прозвучал настолько неожиданно, что я едва удержал себя от желания отпрыгнуть в сторону. Обернувшись, я увидел, как в нашу сторону направляется уса́тый худой мужчина в форме и с погонами полковника.

– Доброе утро, Евгений Вячеславович, – без особого почтения поздоровался Саня.

– Что вы здесь делаете? – кинув на нас подозрительный взгляд, осведомился полковник.

– Работаю, – практически огрызнулся Тепляков. – У вас ко мне что-то срочное?

– Тепляков! Мне кажется, что я имею право задавать подобные вопросы! – Судя по всему, полковник не ожидал столь жёсткого отпора и откровенно опешил от происходящего.

– Евгений Вячеславович, я выполняю поручение командира отряда, все вопросы к нему, – безапелляционным тоном заявил мой однокашник. – А сейчас извините, мы торопимся.

Развернувшись на каблуках, Саня быстрым шагом направился по коридору, а мы с Мироном, переглянувшись, пошли следом за ним, так и не издав ни звука в сторону полковника.

– Крутовато ты с ним, – негромко прокомментировал я увиденное, догнав однокашника. – Или у вас сейчас так принято общаться между собою?

– Да пошёл он! – неожиданно зло огрызнулся Саня. – Перевели откуда-то с Лубянки, очередной прыщ на неприличном месте. Где и когда он служил – никто не знает, зато гонору, как будто лично у Карацупы собакой подрабатывал. Ходит, всё время свой нос сует куда ни попадя. Я вообще не понимаю, чем он занимается.

– Может, от особистов казачок посланный? – предположил МIRON. – Бывает же такое. Присылают вроде дурачков жалом поводить, обстановку разведать.

– Да не знаю я, – отмахнулся однокашник. – Не до него сейчас, нам бы человека не проворонить.

Вообще-то, услышав суть нашей с Мироном просьбы, Саня поначалу таким энтузиазмом не светился.

– Андрюха, ты, прежде чем мне подобное предлагать, головой думал или каким-то другим местом? – уставился на меня широко раскрытыми глазами Тепляков. – Это ж подсудное дело! Меня прокуратура мехом наружу вывернет. И это в лучшем случае! А то и уволят попросту.

– Саня, тебе сказали оказать нам полное содействие, – уговаривал я приятеля. – Ну мы же не по частной лавочке сюда приехали. И не пару ящиков икры пытаемся через границу протаскать. Мы по делу, причём очень важному.

– Да я не против, – сопротивлялся Тепляков. – Вот только ты уедешь, а я останусь. И все шишки обязательно посыпятся на мою голову. Ты хотя бы сам посчитал, сколько статей УК и прочих указиловок мы планируем нарушить?

– Вот именно поэтому и был организован звонок твоему руководству, – тоном искусителя продолжал убеждать я своего однокашника. – По сути своей-то, кроме тебя в этом балагане вообще никто не участвует. Твоих прав вполне хватит, чтобы проштамповать бумажки и провести процедуру через компьютер. А большего и не надо. Мы уедем через служебную парковку, а ты выйдешь через зону прилёта, мило улыбнёшься встречающим, и всё!

– Я прям заранее представляю, как Эдик орать будет! – мечтательно закатил глаза Мирон.

– Какой Эдик? – не понял нас Саня. – А что я вашему полковнику Седых скажу, если он в зоне прилёта будет?

– Эдик – это и есть полковник Седых, – успокоил я однокашника. – С ним, если что, Мирон общаться и будет.

– Чудны дела твои, – пробормотал Тепляков, а затем посмотрел мне прямо в глаза. – Я хочу позвонить командиру отряда! Обидишься?

– Нет, с чего бы это? Я прекрасно понимаю, на что тебя толкаю! Так что звони!

– Мне, наоборот, кажется, – добавил Мирон, – что это сейчас самое разумное. Если командир скажет «да», то тебе вообще предъявить нечего. А иначе, я думаю, он не скажет.

Саня вздохнул и потянул из кармана служебный мобильник. Переговоры с руководством и впрямь оказались достаточно короткими. Судя по всему, Теплякову не только подтвердили ранее отданные распоряжения, но ещё и наорали вдогонку, чтоб не отвлекал высоких начальников неуместными уточнениями.

Саня завершил вызов, недоверчиво покрутил головой, а затем почесал затылок.

– Да уж, задачка! Зачем это нужно, ты мне, конечно же, не расскажешь?!

– Извини, – пожал я плечами. – Сам понимаешь, мы не развлекаться приехали. Так что и секреты тут не совсем мои. Просто подстраховка никогда не бывает лишней. Прапора найдёшь какого-нибудь, чтоб по комплектации под описание подходил?

– Да я вот думаю, – ещё раз почесал затылок Саня. – Дело мутное, зачем прапора под монастырь подводить? Я сам переоденусь. А там разберёмся, как и что. Прапор будет нужен только до дверей, чтобы мы вышли спокойно.

– И кто-нибудь, чтобы вывел Андрея на служебную парковку, – добавил Мирон. – Причём быстро, не объясняя каждому встречному, что мы тут делаем.

– Это мелочи, – отмахнулся Тепляков. – На фоне той канители, которую вы затеяли, просто цветочки.

– Как скажешь, – хлопнул я себя ладонями по бёдрам. – Я озвучил тебе, что нам нужно, а дальше поступай, как решишь! В конце концов, это твой огород, мне здесь правила устанавливать не с руки.

Сейчас, наблюдая за хозяйской походкой своего однокашника, я лишний раз убедился, что всё сделал правильно. Он знал в аэропорту каждый закоулок, и скрытые от посторонних глаз течения закулисной деятельности давно уже стали для Сани всего лишь рутинной повседневностью. Даже я, неоднократно бывавший в этом аэропорту по обе стороны от линии госграницы, и то периодически путался, пытаюсь сориентироваться, через какие служебные лестницы он нас ведёт.

– Вот смотри, – наконец остановился и указал мне Саня на толпу людей за стеклом. – Пассажиры рейса из Парижа. Нужного человека видишь?

– Да вот же он, – первым сориентировался Мирон. – Как заказывали, в толстовке с капюшоном.

– Отлично! – заулыбался Тепляков и забубнил в небольшую переносную рацию. – Шестсот первый, ответь четырнадцатому.

– На приём! – немедленно отозвался из динамика хриплый голос.

– Светлые волосы, с меня ростом, голубая толстовка с капюшоном, – передавал Саня данные невидимому собеседнику. – Пусть девочки отправят его в четвертую кабинку. Данные человека помнишь?

– Обижаете, – протянул голос из рации. – Всё будет в ажуре.

– На связи, – бросил в рацию Тепляков, провожая взглядом нужного нам человека.

Дальше всё пошло по плану. Мы шли параллельно потоку пассажиров, а затем проследовали, как нужного нам человека отправляют в кабину паспортного контроля.

Тем временем Саня завёл нас в классическое казённое помещение без окон, зато с двумя дверьми. Допросная, конечно, выглядит немного иначе, но у неё, к сожалению, был всего лишь один выход в общий зал.

Эту же комнату, похоже, вообще давным-давно не открывали и никак не использовали. Стол, три стула и лампа дневного света под потолком. Обстановка небогатая, но большего сейчас никому и не требовалось. Хорошо, что хотя бы пыль протереть успели. Прошло несколько томительных минут ожидания, а затем противоположная дверь стремительно распахнулась.

– Товарищ полковник! – Старший лейтенант улыбался во всю ширь своей улыбки. – Вот, гражданин Еремеев доставлен.

– Куда доставлен? – возмутился молодой человек, который вошёл в комнату вместе со старлеем. В его речи отчётливо слышался иностранный акцент, но русским он владел явно неплохо. – Это произвол. Я, между прочим, гражданин иностранного государства. Я прилетел в Россию с частным визитом. И я буду жаловаться.

– Свободен, Иванов, – махнул рукой Саня и построил максимально суровую физиономию. – Присаживайтесь, господин Еремеев. Сейчас всё выясним.

– Я прилетел в Россию с частным визитом, – повторил молодой человек. – У вас нет права меня задерживать. Я ничего не нарушил и требую объяснений!

– Давайте вы присядете и мы спокойно поговорим, – миролюбиво предложил Саня, рукой указывая на стул перед собой. Сам он сидел на точно таком же, выложив перед собой рацию и мобильный телефон. Кнопочный, конечно. Никакие другие пограничникам последние лет десять не положены. Мы же боремся за информационную безопасность. Мозгов нашим начальникам Бог не дал, поэтому они никогда не догадаются, что основной канал утечки информации – это не смартфон, а человек, в чьих руках он находится. Тем более те, кому надо, таскают в карманах по два, а то и по три телефона.

– Я не собираюсь садиться, а уж тем более тратить своё время, – горячился молодой человек. Он явно начал волноваться, отчего его акцент становился всё сильнее и заметнее. – Мне надо торопиться. Меня ждут!

– Молодой человек! – немного усилил нажим в голосе Тепляков. – Присядьте и выслушайте нас! Нам кажется, что вам угрожает опасность!

– Какая? – нетерпеливо посмотрел на моего одноклассника парень. – Вы сообщили об этом в посольство моей страны?

– При чём здесь посольство? – поморщился Мирон, понимая, что лёгкого разговора не получится. – Мы же вас не депортировать пытаемся.

– Тогда давайте я позвоню в посольство и мы пригласим сюда кого-нибудь из его сотрудников, – напыжился юноша. – Обещаю вам, что сегодняшний инцидент не окажется безнаказанным.

– Вы прилетели в Москву на похороны своего дедушки? – Этого вопроса юноша явно не ожидал, а потому посмотрел на меня с выражением крайнего изумления на лице.

– Кто вы такой? – Надо отдать должное, реакция у паренька оказалась достаточно быстрой. Другой бы на его месте ещё минуту глазами хлопал.

– Жан Еремеев? – сочетание французского имени и русской фамилии звучало необычно, но в установочных данных, полученных от Эдика, было написано именно так.

– Жан Мари Еремеев, – поправил меня юноша, не отводя взгляда своих ярко-голубых глаз.

– Извините, – кивнул я, но даже не подумал стушеваться или сменить тон. – Я повторяю свой вопрос. Вы прилетели на похороны своего дедушки, Ивана Максимовича Еремеева?

– Допустим, – процедил юноша. – Но мне кажется, что вас это не должно касаться. У меня много родственников в России, и я решил навестить их.

– Впервые за двадцать восемь лет? – ухмыльнулся Мирон. – Прямо на слезу пробило от умиления.

– Кто вы такие? – вновь повторил вопрос Еремеев, теперь уже глядя на нас троих поочерёдно. – Господин пограничник, может быть, вы объясните мне, в чём, собственно, дело?

– К сожалению, нам стало известно, что вам угрожает опасность, – максимально мягко и вкрадчиво попытался сказать я, привлекая к себе внимание юноши. Я сел на стул рядом с Тепляковым, надеясь, что это хотя бы немного успокоит Жана Мари. – Мы искренне заинтересованы в том, чтобы вы не пострадали и смогли принять участие в похоронах своего дедушки. Именно поэтому нам и пришлось устроить здесь этот маленький спектакль. Разумеется, ваши документы в порядке, но наша страна не Франция и вы не представляете, что вас ждёт за дверьми этой комнаты.

– Мне кажется, что вас это и не должно беспокоить! – Голос молодого человека подрагивал, но говорил он твёрдо и явно не собирался идти на попятную. – Я совершеннолетний, и я гражданин другого государства! Я требую адвоката!

– Да что ж ты трудный такой! – вскипел Мирон и буквально в одну секунду оказался рядом с Еремеевым. – Посла ему, адвоката... Н-на!

И пудовый кулак отправил гражданина Франции в глубокий нокаут.

Глава 2

– Слышишь, Андрюха! – сидящий за рулём Мерзкий гнал по трассе с такой скоростью, как будто у него в кармане лежит не ксива сотрудника госбезопасности, а личная индульгенция всех известных богов на любые бесчинства при езде за рулём. – А ты уверен, что французик ваш вообще дышит до сих пор? Что-то он даже ножкой не дёргает на поворотах.

Я посмотрел в широко распахнутые глаза иностранного туриста, а затем успокоил давнего друга.

– Всё в порядке! Клиент просто занимается оценкой обстановки, используя для этого доступные ресурсы и природное обаяние.

– А-а-а, – протянул Мерзкий. – Ну если только природное.

– Ты от дороги не отвлекайся, – посоветовал я товарищу. – Когда Эдик узнает, что мы натворили, то будет орать нечеловеческим голосом. А если поймёт, что ты в этом участвовал и не остановил меня, то ещё и тебе на орехи достанется.

Господин Жан Мари мать его Еремеев и правда вёл себя пока достаточно тихо. Судя по всему, поездка в Россию представлялась ему гораздо более увлекательным приключением, чем получалось на самом деле. Он даже пока что не успел поинтересоваться, кто мы такие и какой интерес имеем к его персоне.

Пудовый кулак Мирона лишил его чувств настолько качественно, что возвращаться в сознание наш иностранный друг начал только лишь на парковке, в тот самый момент, когда мы с Мерзким запихивали его тело на заднее сиденье. Зато он больше не вспоминал про своё зарубежное подданство и тихо хлопал глазками, вполне покоровшись судьбе.

– Жан, ты на нас не обижайся. – Я постарался, чтобы мой тон звучал максимально дружелюбно. – Мы скоро приедем, и тогда я тебе обязательно всё объясню. Просто твоё появление в Москве внезапно стало интересно слишком большому количеству самых разнообразных... ну, скажем так, личностей! И все они обязательно захотят сделать тебе больно, лишь бы ты только не спорил с ними и согласился посотрудничать.

Новенькие зимние шины шустро крутились, поглощая всё новые и новые сотни метров автодороги. Форсированный движок мерно гудел, казалось, совсем не напрягаясь, толкая вперёд несколько тонн груза. Еремеев молчал, как видно решив, что в его положении говорить поменьше – это самая разумная тактика поведения. Впрочем, он был абсолютно прав. Главное, чтобы он действительно сейчас собирал и анализировал информацию, а не просто безмолвствовал, потому что от испуга язык проглотил.

На улице уже ощутимо стемнело. Казалось бы, ещё буквально час назад мы стояли на взлётном поле аэропорта и вокруг нас разливалось море света, а тут на тебе! Сумерки! Дождь, что ли, собирается? Впрочем, поздней осенью московская погода абсолютно непредсказуема...

– Хорошая машина «Рэндж Ровер», – стукнул по рулю Мерзкий. – Дорогая, бестолковая, но хорошая.

– Зависть – это крайне плохое чувство, – прокомментировал я реплику Максима. – Тем более ты бюджетник, тебе такая тачка не светит. А если купишь, то замучаешься в кадрах объясняться, где на неё деньги украсть умудрился.

– Молчал бы уж, – рассмеялся Максим. – У тебя вообще машины никогда не было.

– Чего это? – возмутился я. – У меня на заставе вполне приличный уазик всегда под пятой точкой имелся. Он даже не ломался практически.

– «Козлик» не считается, – отмахнулся Мерзкий. – На заставе казённая, да и за рулем наверняка не ты ездил, а какой-нибудь бойчишка из числа самых сообразительных.

Напряжение последних нескольких часов постепенно отступало, требуя выхода и эмоциональной разрядки. Дружеская перепалка подходила для этого как нельзя лучше, хотя ничего не понимающий Жан Мари Еремеев наверняка имел по этому поводу собственное мнение.

– Так что, Винни, признайся честно, – продолжал разглагольствовать Мерзкий. – Автомобиль, в котором надо одновременно крутить руль, жать попеременно аж на две, а то и на три педали, не говоря уже про включение поворотников и дворников, является чересчур сложным механизмом для твоего медвежьего интеллекта. Программа вызова такси на смартфоне стала для тебя вершиной эволюции.

– Ой-ой-ой, – скорчил я ему рожу в зеркале заднего вида. – Мы на права, между прочим, вместе сдавали. Только я до обеда, а ты после. Забыл, что ли?

– Да помню я, – усмехнулся Максим. – У нас один гаишник настолько наугощался, что к нашему прибытию в машину залезть не смог. Лег посередине дороги и спал себе тихонечко. Так вот суть экзамена состояла в том, чтобы проехать круг по автодрому и не задавить этого гаишника.

– Что-о было такое, – припомнил я. – Кузьмич, по-моему, всё равно экзамен почти завалить умудрился.

– Ой, ну кто ж знал, что этот алкаш проснется и начнет в сторону отползать в самый неподходящий момент, – рассмеялся Мерзкий, а возле меня неожиданно завозился господин Еремеев.

– Простите, – немного дрожащим голосом обратился он ко мне. – Вы же не бандиты? Вы, наверное, из КГБ?

– Мальчик, КГБ давно не существует, – отозвался с переднего сиденья Мерзкий. – Но сидящий с тобой рядом дяденька известный преступник. Он ест круассаны с кетчупом и плевал на вас, французов, с Эйфелевой башни!

– Зачем? – в очередной раз дал сбой иностранный микропроцессор.

– Жан Мари, ну кого вы слушаете? – изобразил я самую милую из имеющихся в арсенале улыбок. – Это же наш городской сумасшедший. Он, как радио, постоянно что-то рассказывает и каждый раз надеется, что смешно получится.

– С вашими приколами и впрямь крыша поедет, – вздохнул Мерзкий, немного снижая скорость перед крутым поворотом. – Знаешь, я вот сейчас почему-то подумал, что мой начальник прекрасно знал, что вы с Мироном устроите какое-нибудь непотребство. Как иначе объяснить, что он отрядил меня вам в помощь и до сих пор ни разу не позвонил?

Вопрос прозвучал логично, но ответить на него я уже не успел. Мерзкий буквально вдавил в пол ногами педали тормоза, и машина пошла юзом, вопя всеми своими механизмами от столь непотребного отношения. Меня швырнуло на спинку переднего сиденья, и, падая, я понял, что случайно наступил на невезучего француза. Сегодня явно не его день. Такими темпами он не то что на похороны бабушки не успеет, он ещё и на свои попадёт.

– Твою ж такую дивизию! – истошно орал Мерзкий, а меня мотало из стороны в сторону по автомобилю, не давая найти опору и зафиксировать своё тело в пространстве.

Я никак не мог посмотреть, что случилось, но судя по тому, что Макс продолжал орать, мы попали в какие-то неприятности. Удар по дверце автомобиля окончательно рассеял все мои сомнения. Неприятности оказались достаточно крупными.

– Винни, оборотни! – проорал Мерзкий и, толкнув плечом водительскую дверцу, вывалился на дорогу. Судя по всему, перед этим он дернул ручку ручного тормоза, потому что машину занесло на дороге в почти что в неконтролируемом полете. Французик подо мной что-то подвывал на своем иноземном наречии, но успокаивать парня времени пока не было.

Снаружи раздались частые хлопки выстрелов из пистолета. Где Мерзкий достал «Беретту» и как договорился с Эдиком, что она прокатит за штатное оружие, я не спрашивал, но сейчас мой друг пользовался многозарядным магазином на полную катушку. Такое ощущение

ние, что мы в перестрелке на Диком Западе участвуем. Одно хорошо: в ответ вроде как тоже стреляли не из базуки, а значит, остаются хоть какие-то шансы на наше спасение.

Как они нас нашли? Вернее, почему ждали именно здесь?

Я отжался на руках от сиденья и потянулся к ручке двери, но раскрыть её не успел. В машине образовался незапланированный конструкторами проём, в который заглядывала наглая и незнакомая мне морда. Назвать лицом это заросшее волосами нечто у меня не поворачивался язык, а из распахнутой пасти несло смрадом давно не чищенных зубов.

И впрямь оборотень! При чем такой, о котором мне раньше доводилось только слышать, но ни разу не сталкиваться вживую. В моем представлении все оборотни могли существовать либо в человеческом, либо в зверином обличье. Эдик как-то рассказывал мне, что такое представление о сородичах ошибочно и существуют особи, не способные к полному перевоплощению.

Судя по всему, сейчас передо мной красовалось именно такое исключение. Как правило, подобное извращение являлось результатом ранения, когда кровь человека смешивалась со слюной или кровью оборотня. Что случается дальше, я вообще не представляю. Суть дальнейших рассуждений Эдика лично для меня оставалась покрыта густым туманом и гирляндой, складывающейся в слово «тупость».

Какая-то сложная химическая реакция, важную роль в которой играет генетика человека. Единственное, что я запомнил, так это лишь то, что такие особи могли считаться оборотнями, но максимумом их перевоплощения были обильный волосистой покров и незначительные изменения тела. Руки-ноги обзаводились когтями, а лицо превращалось в подобие звериной морды.

А ещё я вспомнил, что такие оборотни всегда плохо контролируют своё сознание и попросту дуреют от вида крови.

– Р-р-рвы-ых! – пророкотало невразумительную абракадабру горло оборотня, вырвавшего с мясом пассажирскую дверцу, а в следующую секунду я обнаружил, что лечу по воздуху. Меня попросту выкинули из машины, как ненужную и мешающую вещь! Обидно! Я бы даже сказал, очень обидно!

Пропахав носом холодную землю, я немедленно обернулся и только в этот момент сумел немного оглядеться. Картина складывалась весьма неприятная.

Новенький «Рэндж Ровер», который нам выделили хозяйственники госбезопасности на покатушки, влетел боком в дорожное ограждение и выглядел как груда металлолома, а совсем не чудо иностранного автомобилестроения.

Метрах в тридцати от меня, перегородив дорогу, стоял японский внедорожник и светил фарами куда-то в сторону поля. Около него спиной ко мне копошились две или три трудноразличимые в сумерках фигуры, которые азартно палили в сторону обочины из чего-то мощного, но не автоматического.

Судя по звукам «Беретты», где-то там залёг майор Мерзляков, который даже не рассматривал вариант сдаться без боя. Ни ствола, ни ножа. Я в аэропорт ходил, да и не планировалось как-то локальные войны на территории Московского военного округа.

Мерзкий, потерпи! Я обязательно помогу, но сначала надо обезопасить француза, из-за которого, собственно, весь сыр-бор и начался. Волосатое чудовище продолжало курочить «Рэндж Ровер», пытаясь добраться до беззащитного юноши, а Мерзкий – офицер, да ещё и с оружием в руках. Он справится, я в него верю!

Мерзкий, кстати, стрелял крайне экономно. Судя по всему, первоначальный запал Максима ушел, уступив место холодному расчёту. Патроны следовало беречь, вряд ли он таскал с собой больше трёх-четырёх запасных магазинов.

Я внимательно посмотрел на своего сородича. Здоровый чертяка! Он умудрился голыми руками буквально-таки порвать металл нашего автомобиля и уже тащил наружу отчаянно

сопротивляющегося французика. Зуб даю, парень наверняка несколько раз собирался обделаться от страха, но у него пока просто не было ни одной лишней секунды, чтобы расслабиться.

Если похищение из зоны прилёта аэропорта ещё можно как-то утрамбовать в границы человеческой логики, списав на происки мафии или всесильного КГБ, то вот о существовании потустороннего мира молодому человеку на уроках в парижской школе вряд ли рассказывали.

Поэтому Еремеев, вытаскиваемый из автомобиля, голосил на всю округу, ни капли не стесняясь своего по-бабьи тонкого крика, а заодно цеплялся руками за все мало-мальски выступающие части салона.

В какой-то степени я его прекрасно понимаю. Сколько бы в детстве нам ни рассказывали сказок, поверить в реальность книжных персонажей действительно достаточно сложно. Любой нормальный мужик хоть раз в жизни в сердцах про себя обзывал тещу ведьмой, но всё равно вряд ли рассчитывает, что однажды увидит у неё вместо ногтей длинные когти. Я и сам долгое время пропавшие дошираки списывал на похмелье и лишь только потом узнал о существовании Степана.

Существо возле разбитого «Рэндж Ровера» мало походило на моего домового, по крайней мере, оно не вызывало никакого чувства умиления. Более того, стоявшая возле автомобиля тварь не вызвала никаких других чувств, кроме страха и омерзения.

Если честно, я и сам не представлял раньше таких уродин. Сейчас же это чудовище тащило из машины упирающегося юношу, а из его рта капала густая слюна. Что он хочет сделать с ним? Сожрать?

Я мысленно ещё попросил прощения у Мерзкого, молясь всем известным богам, чтобы он продержался без моей помощи ещё немного. Трансформация произошла легко и естественно, картинка перед глазами поменяла угол обзора, и я рванул в сторону «Рэндж Ровера».

Видимо, я что-то рыкнул в прыжке, потому что оборотень возле машины вполне успел среагировать на моё появление. Он отпустил ногу юноши и проскользнул под моей тушей, оказавшись у меня за спиной. Моей ловкости на подобные пируэты не хватало, поэтому я тормозил задницей, ударившись об остатки британского автопрома.

В уши ударил очередной визг юноши, но успокаивать его времени не было. Мой противник уже достал из-за пояса огромный кинжал и сейчас неторопливо направлялся в нашу сторону, оскалив и без того ужасную морду. Несмотря на медленный шаг, руки этой твари вели самостоятельный танец, выписывая кинжалом немыслимые пируэты. Клинок летал между пальцами, обращаясь ко мне то острием, то бликуя лезвием, а я невольно испытал неуверенность в собственной неуязвимости.

– Какой милый мишка! – прорычал идущий на меня оборотень. – Признаюсь честно, твоё появление вышло немного неожиданным. Ну ничего, я обещаю убить тебя быстро, а вечером полакомиться твоей печенью.

Он не говорил, а практически урчал, заворачивая звуками своего голоса, так что в какой-то миг я даже отвлекся от кинжала в его руках. В реальность меня вернула очередная порция истошного визга. Я оглох на одно ухо, а затем прыгнул, стараясь просто оказаться поближе к противнику, но не наткнуться брюхом на сверкающее лезвие.

Мой оппонент махнул кинжалом, и я отпрянул, с ужасом понимая, что мой нос от смертельного железа отделяют какие-то несколько сантиметров.

– Неповоротливая подушка для иголок! – продолжал насмехаться оборотень, а я терпеливо ждал своего шанса, понимая, что в данном случае никто не даст мне и секунды на расслабление. Ещё один широкий замах – и я вновь начал пятиться назад, не обращая внимания на завывания позади себя. Тычок кинжалом почти что задел мою шерсть, но атаковать ещё было рано! Ещё! Ещё!

Пора! Я буквально подпрыгнул на месте, вставая на задние лапы, и успел заметить недоумение в глазах своего противника. Он, видно, забыл, что я обернулся в медведя до конца, поэтому у меня с когтями всё было более чем в порядке!

Широкие полосы через всё тело моего оппонента начали моментально набухать потоками крови, а в глазах появилось недоумение. Визг позади меня превратился во всхлипывания, а я едва удержался, чтобы не откусить голову этому французику. Страшно тебе? Ну закрой глаза и не смотри на происходящее! Чего хныкать и отвлекать окружающих от дел насущных?

Я проследил за тем, как нож выпадает из руки оборотня, и уже собрался было успокоить орущего юношу лёгонькой оплеухой, как вдруг почувствовал жжение под левой лопаткой. Крики французика всё-таки сделали своё черное дело и отвлекли меня, а я и забыл, что нападавших вообще-то было гораздо больше одного.

Непроизвольно моё медвежье сердце сжалось. Обернувшись, я понял, что больше не слышу хлопков «берреты» Максима. Неужели в Мерзкого всё-таки попали?

Ещё одна пуля ткнула меня в лапу, и вот тут я озверел окончательно. Единственная связанная мысль, которая билась в моей голове: «Мерзкий убит! Мерзкий убит!»

Под лопаткой жгло неимоверно. Пули у этих уродов, судя по всему, были не простыми, а серебряными, но меня уже несло на автомате. Я видел искаженные ужасом лица, но мои лапы рвали человеческую плоть и не хотели остановиться!

Адреналина вполне хватило на то, чтобы не только разорвать неизвестных на мелкие кусочки, но и скинуть в кювет их автомобиль. А вот затем меня резко накрыла волна отходняка.

Я обратился обратно в человеческий облик, но дальше силы окончательно оставили меня. Я опустился на землю и тупо смотрел, как из груди толчками вытекает кровь.

А пули-то и впрямь серебряные, иначе бы кровь уже давно остановилась. Я попытался встать, но ноги отказывались держать меня. Всё, на что хватало сил, это только лишь смотреть в ту сторону, откуда последний раз звучали выстрелы из пистолета Максима.

Вокруг стояла звенящая и пугающая тишина, а я всё еще надеялся на маленькое чудо. Ну не может же жизнь оборваться вот так внезапно и нелепо! Совсем недавно мы смеялись, шутили, а сейчас... Кровь продолжала толчками выходить из тела, а сознание потихоньку начинало мутить, но я по-прежнему не сдавался и верил в счастливую звезду.

Вот сейчас, буквально через мгновение, из кювета высунется голова Мерзкого, и он в очередной раз начнет возмущаться, что у него из-за меня неприятности. Только бы он был жив, тогда и самому помирать не так обидно...

– Эй ты! – Голос с французским акцентом заставил меня вздрогнуть и повернуть голову в другую сторону.

Жан Мари как его там... не сбежал, а стоял в нескольких шагах от меня на подрагивающих ногах.

– Ты живой?

– Не уверен, – через силу ответил я, удивляясь про себя, что французика не посетила логичная мысль улепётывать подальше от всего этого безумия. – А ты-то чего остался?

– Я вам поверил, – пожал плечами Еремеев и, ковыляя, подошел ко мне ближе. – Плюс это чудовище повредило мне ногу. У вас есть аптечка? Вас надо перевязать!

– Там в машине должен быть кожаный рюкзак, – решил не отказываться я от неожиданной помощи. – Его принеси, и будет достаточно.

Минуту спустя Еремеев с любопытством смотрел на то, как я пью из небольшого пузырька густую бурюю жидкость. Он явно хотел что-то спросить, даже рот открыл, но тут же захлопнул его, увидев появившуюся из недр рюкзака оранжевую жестяную коробку. Думаю, он вполне догадался, что раны я посыпаю не папиросным табаком, а состав зеленого порошка я ему рассказывать не собирался. Ну, по крайней мере, пока.

Его ногу я тоже посыпал. Рана только выглядела противно, но на самом деле должна была затянуться достаточно быстро.

– А вы кто? – всё-таки не выдержал и спросил Еремеев, внимательно наблюдавший за всеми моими манипуляциями. – Колдуны?

– Что-то наподобие, – неопределенно помотал я головой. Лечебные снадобья уже начали действовать, отчего пространство перед глазами плыло, а в животе ощутимо мутило. Не хватало ещё только, чтобы прямо здесь стошнило, а затем умудриться потерять сознание. Тогда думаю, что у француза в России останется только одна дорожка – в психушку. Потому что ни в каком другом месте в его приключения попросту не поверят.

– Пойдем! – Несмотря на слабость, я, опираясь на Еремеева, всё-таки заковылял в ту сторону, где должен был быть Мерзкий. Куда мы вообще заехали? Ощущение, что это не Москва, а какая-то глушь, километров двести от Воронежа. Ни одной машины, ни одной любопытной рожи. Чудеса, да и только.

Мой друг лежал на обочине, уткнувшись лицом в землю и сжимая в руке свою верную «Беретту». Рядом с ним валялись пустые магазины и пистолетные гильзы.

– Помоги! – я уже не просил, а приказывал, но француз послушно исполнял все мои указания. Пуля попала Максиму в район ключицы и, пройдя через область сердца, застряла где-то в животе. Мерзкий казался мёртвым, и Еремеев даже испуганно отпрянул от тела, но мой чудесный слух всё же уловил слабое дыхание.

Макс в очередной раз не собирался поступать как все и умирать на этой грязной обочине. Наверняка у него было слишком много претензий, которые он не успел высказать в мой адрес, поэтому он цеплялся за жизнь всеми доступными способами.

Я влил ему в рот содержимое ещё одного пузырька с бурой жидкостью и досадливо поморщился, вспомнив, что мы с Мироном так и не купили у Моси «красный огонь». В этом году на зелье был объявлен аукцион, в котором победили чертановские ведьмы. Стоимость чудодейственного эликсира исчислялась совсем неприличными цифрами, а с учетом того, что старый пройдоха хотел всю сумму сразу и наличными, нам с Мироном такое счастье не светило в принципе.

А надо бы. Я совсем не уверен, что Мерзкий без «красного огня» выкарабкается.

– Дай телефон! – попросил я Еремеева, но тот только виновато улыбнулся и пожал плечами.

– У меня французская сим-карта. Она в вашей стране не работает.

– Тьфу ты! – Сил не было даже материться. Впрочем, как оказалось, сплюнуть тоже было нечем. – Найди остатки моих джинсов. Там мобильник.

Выживший во всех приключениях мобильник был единственной хорошей новостью за последние полчаса. А восемь пропущенных вызовов от Эдика – плохой. Сейчас же орать начнёт, а на это совершенно нет времени.

– Андрей! Ты с катушек съехал? – предсказуемо завибрировал динамик от начальственного рыка полковника. – У тебя хотя бы что-то в голове имеется?

– Эдик, не ори! – изо всех сил сдерживаясь, попросил безопасника. – Дай лучше Мирона. Я ему быстрее объясню.

– А нет больше Мирона, – неожиданно потух в трубке голос Эдика. – Взорвали его. По твоей милости, кстати, взорвали. Прямо на выходе из аэровокзала!

Глава 3

Хорошо быть полковником госбезопасности. Я так понимаю, изначально Эдик планировал отвезти француза совсем в другое место, но произошедшие за последние несколько часов события внесли в нашу жизнь огромные коррективы.

И что бы вы думали? Буквально парочка звонков – и вот! Мы уже сидим в неизвестном частном доме в Переделкино, наслаждаясь треском дров в камине. Интересно, здесь кто-нибудь живёт на постоянной основе?

Двухэтажное строение из толстых брёвен совсем не походило на продукт современного зодчества. Почему-то складывалось ощущение, что дом не строили, а именно клали настоящие мастера своего дела, причём с помощью одного только топора и без использования гвоздей с саморезами. Но зато сейчас здесь во всём чувствовалась основательность, которую не портили даже современные доработки в виде камина или газовой трубы, входившей внутрь с улицы.

Если я понял правильно, то внизу дома, на первом этаже, располагались кухня, кладовые, санузел и гостиная, а наверху находились исключительно спальни.

Мы с Жаном расположились в просторной комнате на первом этаже, которая вполне могла выполнять функции не только гостиной, но и столовой или библиотеки. По крайней мере, массивный дубовый стол, занимавший существенную часть пространства, наводил на мысли о еде, а вот густо уставленные книгами полки по стенам непроизвольно рождали желание приобщиться к мировой мудрости.

Картина, достойная классической литературы. Камин, бокал коньяка и пожелтевшие страницы напечатанного минимум полвека назад фолианта. Мне всегда казалось, что именно так проводят вечера аристократы.

Кстати, корешки книг здесь оказались достаточно любопытными. Макиавелли соседствовал с воспоминаниями Рокоссовского, а модный в определенных кругах доктор Курпатов почему-то располагался совсем далеко от трудов Фрейда, Юнга и Леонтьева.

Журнальный столик рядом с креслом вообще оказался завален дамскими глянцевыми журналами, причём некоторые из них уже успели покрыться приличным слоем пыли. А вот книги выглядели идеально, да и камин смотрелся абсолютно чистым. Ощущение, что дом убирается избирательно. Здесь всё, а здесь не будем.

Странные вкусы у хозяев. Интересно, кто же они всё-таки такие?

А может быть, это просто очередная конспиративная квартира, вернее, конспиративный дом, пыль в котором протирается раз в месяц по заранее утверждённому графику и маршруту. Скорее всего, именно так дело и обстояло, иначе я окончательно потеряю веру в человечество.

Ну правда, это ж абсолютный треш, если у этого особняка есть хозяева, которых только что попросили погулять. Вопрос только, как надолго их отравили? На несколько часов или несколько дней?

С другой стороны, сейчас это явно не моя головная боль. У меня и своих проблем хватает. Где же Эдик? Если честно, таким злым я полковника ещё ни разу не видел. Он не кричал, не устраивал разборок, он просто посадил меня с французом в машину и привёз в этот дом. Оставил с нами двух сотрудников и умотал, фактически не сказав ни слова.

Лучше бы он наорал на меня за самостоятельность. С другой стороны, может быть и хорошо, что я инициативу проявил. Не устрой мы с Мироном балаган, то и не увидел бы Эдик своего француза. Хотя и так беспредел выше крыши. Я и не вспомню уже, когда последний раз кто-то взрыв возле аэропорта устроить решился.

Да и стрельба фактически в двух шагах от МКАДа – тоже событие не рядовое. Кому-то этот Еремеев понадобился, причём крепко понадобился. Нападавшие явно не рассчиты-

вали, что столкнутся со мной, иначе закончилось бы всё куда быстрее и гораздо печальнее. Эдик нашёл бы только трупы. Какой бы Мерзкий профессионал ни был, но от оборотня пистолетом не отобьёшься.

Непроизвольный вздох отозвался болью во всём теле. Очень надеюсь, что с Максом по итогу всё будет хорошо.

Одна надежда. Я слышал, как для него вызывали вертолёт, чтобы перевезти в Голицынский госпиталь. Ежели довезут, то Макс обязательно выкарабкается. Потому что если в нашей стране и существуют не просто врачи, а волшебники и целители, то они работают именно там. Особенно хирурги. Так что у Мерзкого была ровно одна задача – дотянуть до операционной, и я верю, что он с ней справился.

В госпиталь, что ли, позвонить? Хотя кто я для тамошних сотрудников такой? В лучшем случае не пошлют сразу, а в худшем – нарвусь на огромное количество вопросов.

А вот что с Мироном и Саней, мне до сих пор неизвестно. Эдик отмолчался, а оставленные им сотрудники тоже не смогли сказать ничего вменяемого. Они вообще немых изображали, чем раздражали до глубины души.

Впрочем, выбора большого не было. Всё, что мне оставалось, так это сидеть и созерцать горящий огонь в камине, заодно поторапливая внутреннюю регенерацию. Пока получалось не очень. Пулевые ранения, конечно, уже давно превратились в слабо зудящие шрамы, а вот небольшая царапина, оставленная то ли ножом, то ли когтем оборотня, противно ныла и никак не хотела заживать.

Французу, кстати, вообще не помешало бы посетить медицинский стационар. Его, в отличие от меня, повредили гораздо сильнее, и зелья Моси почему-то практически не помогали. Он даже дом осматривать не стал. Как упал в кресло возле камина, так и сидел в нём, глядя в потолок бессмысленным взглядом.

Как на мой непрофессиональный взгляд, у юноши вообще начинала подниматься температура. Очень бы хотелось ошибаться, но что-то мне подсказывает, что мы стали жертвой непонятного яда. Кто его знает, чем это чудовище питалось на досуге? Может быть, вообще падалью какой-нибудь кормилось, а трупный яд, знаете ли, это весьма противная штука.

Эдик на мою просьбу о враче вроде и отреагировал, но как-то недостаточно уверенно. Он вообще очень торопился вернуться в аэропорт и явно не желал со мной разговаривать. Наорать, наверное, хотел. Лучше бы и впрямь наорал. Молчание и неизвестность входят в десятку самых изощренных пыток, которые только придумало человечество.

Что вообще происходит? Мне очень хотелось обсудить происходящее с кем-то, но с собеседниками пока что было туго. Разморённый теплом камина Еремеев дремал, укрывшись пледом прямо в кресле, а сотрудники госбезопасности по-прежнему изображали глухонемых, спрятавшись на кухне. Сюда бы Мирона...

Воспоминание о напарнике отозвалось очередным приступом боли. Ладно, плакать будем позже, сейчас надо думать! Что вообще произошло?

Так, начинаем по порядку. В Москве умер очередной олигарх. Владелец заводов, газет, пароходов, известный в мире как господин Еремеев. Казалось бы, рядовое событие. Ну, умер и умер. Не первый и не последний.

Банальная ситуация, если бы только не одно но. Смертью уважаемого миллиардера заинтересовался один полковник госбезопасности. Я уж не знаю, где и когда скромный госслужащий умудрился познакомиться с олигархом Еремеевым, но факт оставался фактом. Эти двое были знакомы, причём явно достаточно давно и неплохо. Впрочем, надо отдать должное Эдику, у него находились приятели в самых разных кругах нашего общества.

Но я помню, что нас с Мироном тогда поразило совсем другое. Эдик выглядел действительно опечаленным гибелью Еремеева. Это было настолько удивительно, что мы поначалу

даже своим глазам не поверили. Казалось, что ещё чуть-чуть – и на глазах полковника выступят слёзы.

Человеколюбием Эдик никогда не отличался, так что вряд ли он просто расстроился из-за чьей-то смерти. Погибший должен был быть действительно дорог полковнику, но разве так бывает? Я, например, не уверен, что Эдик будет лить крокодильи слёзы на моих похоронах.

Так что эмоции безопасника настолько не вязались с существующей действительностью, что мы с Мироном даже не попытались возмутиться очередной просьбе о помощи. Хотя давно пора было привыкнуть, что ничем хорошим подобные просьбы не заканчиваются.

– Господин Еремеев оставил огромное наследство, – глухо вещал Эдик, глядя куда-то в пустоту. – И для государства очень важно, чтобы это состояние не оказалось растащено по кускам в разные стороны.

Я ещё, помню, подумал про себя, что всё равно ж растащат, но вслух произносить подобную крамолу постеснялся. Полковник помолчал, негромко кашлянул, а затем продолжил:

– Немногие знают, но у Еремеева есть наследник. Родной внук, человек, в чьих жилах течёт его кровь. Мы должны сделать так, чтобы юноша получил причитающееся ему по праву. Так сказать, проконтролировать процесс...

Тоже, кстати, нестыковочка. Если наследство получит внук, то какая польза от этого государству? Но индюк большой, ему видней. Нас-то вроде как о мелочи попросили – проконтролировать...

Проконтролировали, мать его... Хорошо ещё, что у меня в одном месте пофорсить зачелось, и поэтому я всю эту канитель с торжественной встречей практически у трапа самолёта организовать решился. А так получается, что если бы не случайная отчаянная авантюра, то и наследников бы у олигарха не осталось.

Впрочем, история не терпит сослагательного наклонения. Всё уже произошло. Вот он, наследник, сидит уставший в кресле, сопит в две дырочки... Плохо, правда сопит, болезненно очень... Ему бы доктора...

И словно услышав мои мысли, в коридоре раздались шаги. В комнату заглянул один из подчинённых Эдика, внимательно посмотрел на меня, затем на французика, затем снова на меня и сказал:

– Там доктор приехала. Звать?

– Звать, звать, – кивнул я, непроизвольно отмечая про себя, что слово «приглашать» прозвучало бы сейчас более уместно. Впрочем, я тоже к специалистам изящной словесности никогда не относился, поэтому и выпендривался исключительно мысленно, не пытаясь показаться высоковоспитанным лордом.

Однако жизнь в очередной раз доказала мне, что выёживаться плохо.

– Ну чё тут? Зар-раза, не развернёшься! – В дверь полубоком протиснулась не очень высокая, но зато плотно сбитая женщина неопределённого возраста. Очень бы хотелось сейчас описать её внешность, но с этим, наверное, будут проблемы.

Знаете, с годами внешность слабой половины человечества у всех его представителей меняется очень по-разному.

Одним провидение оставляет точёную фигуру, щедро сдабривая её морщинами в самых неподходящих местах. Лично я таких женщин называю «счастливицами». Как правило, они прекрасно осознают, какой «счастливый билет фортуны» получили, и с лихвой компенсируют все возрастные недостатки средствами современной косметики. Бывает, посмотришь на улице – и челюсть сама собой отвисать начинает! Идёт, по тротуару каблучками цокает, талия осиная, ниже талии все подтянуто, выше подчёркнуто... Не женщина, а мечта поэта!

Догоняешь, смотришь в глаза – и в этот момент челюсть окончательно отправляется в свободное падение. На тебя смотрит бабушка. Да, на каблучках! Да, в шикарном платье, кото-

рое не всякая двадцатилетняя надеть рискнёт, а по возрасту лет семьдесят, и как ты ни ври сам себе, но на восемнадцать она не потянет.

И ведь эта красотка прекрасно видит весь твой калейдоскоп эмоций на лице, но почти никак не реагирует. Ты на её жизненном пути такой не первый и даже не сотый. Усмехнётся, улыбнётся краешком губ и направится дальше.

Таких женщин мало, и каждую вторую не мешает проверить на принадлежность к ведьмачьему племени. Просто так подобные подарки судьба не дарит.

Гораздо больше вокруг нас тех женщин, кто внешне стареет гораздо быстрее, чем душой. Посмотришь на такую – и пожалеть хочется. Спина согблена, взгляд потухший... А потом узнаешь, что ей нет сорока, и хочется пожалеть ещё больше.

Третьи вообще ударяются в эксперименты и начинают проверять на себе все достижения косметологии и пластической хирургии. Таких даже жалеть не стоит. Природа очень быстро доказывает, что лезть с ножом в естественные процессы чревато для здоровья. Буквально пара месяцев – и вот уже никто не поймёт, сколько женщине лет, да и можно ли её вообще назвать женщиной.

Так что все женщины стареют по-разному. Но ещё бывают и такие, как наша гостья. Возраст неопределённый, внешность неопределённая, но чёткое чувство опасности внизу живота при её приближении. Эта женщина точно знала, чего хочет от жизни, и никакие препятствия посреди дороги не были способны её остановить.

– Что ты смотришь на меня, как раб божий на распятие? – припечатала неизвестная меня одной фразой к креслу, а затем взгромодила на журнальный столик объёмистый саквояж, глухо звякнувший чем-то железным. – Лечиться будем?

– Здравствуйте, – только и сумел вымолвить я, почувствовав волну дикой первородной энергии, хлынувшей от женщины в разные стороны.

– Привет, – буркнула гостья, скидывая с себя отделанный мехом пуховик и оставаясь в накрахмаленном медицинском халате. – Рассказывай, что тут у вас стряслось?

– Меня зовут Андрей, – по-прежнему пытался выстроить я какое-то подобие диалога. – Моему при... хм... знакомому нужна медицинская помощь. Ему повредили ногу... Да и вроде как общее состояние не совсем хорошее.

– Конечно нехорошее. – Женщина наклонилась к французику и внимательно осмотрела кожу лица. Может быть, издавек я не совсем чётко разглядел, что именно она делает, но внутри почему-то появилось ощущение, что она обнюхивает Еремеева. – Кто его так потрепал? Ты?!

Гостья упёрла в меня жёсткий колющий взгляд. Её взор выражал крайнюю степень неодобрения, как будто женщина и в самом деле считала именно меня виноватым в ранении Жана.

– Почему я? – По телу пробежала волна жара, как будто тело только что ощупали невидимые руки.

– Ну я же вижу, что его оборотень трепал, – объяснила свой вопрос врач, кинув ещё один короткий взгляд в мою сторону. – И твою сущность тоже распознать в состоянии. Не поделили чего-то, а теперь вдруг ты его лечить вздумал. Так, что ли?

Вот теперь я напрягся. Странного вида женщина, которая видит моё звериное начало. Кто она такая вообще? И откуда здесь взялась?

– Не пыхти ты так, всех мышей распугаешь. – Гостья уже не смотрела в мою сторону, а доставала из кармана халата резиновые голубые перчатки. – Я *целитель*. Штатный целитель пограничного госпиталя. Ты что, никогда про нас не слышал?

Она ещё и мысли читать умеет? Или все вопросы у меня на лице отпечатались?

– Слышать-то слышал, но вот встречаться живую до сих не доводилось, – медленно ответил я, недоверчиво глядя на нашу гостью. Вот она целитель госпиталя? Ощущение, что я

попал в сказку или как минимум оказался рядом с космонавтом. Целитель – это же что-то за гранью.

Правды ради, подобные байки встречаются в любой более-менее крупной больнице с солидной историей. Все они говорят примерно об одном и том же, различаясь разве что только в незначительных деталях, но слово в слово повторяя суть этой городской легенды.

В любой больнице умирают люди. Так определено судьбой. Но кто-то там, наверху, решает, что не всем людям в больнице пришёл черед умирать именно сегодня. Поэтому периодически по операционным и блоку реанимации ходит неизвестный, вытаскивающий людей с того света.

Пройдёт операция, хирург устало снимет перчатки с натруженных рук, а сам чуть не плачет, понимая, что спасти жизнь этому тяжёлому пациенту выше его скромных возможностей. Или медсестра в очередной раз стирает пот со лба неоперабельного пациента в блоке интенсивной терапии. Вроде бы всё, надежды никакой?

И тут в коридоре появляется целитель. Внешний облик тут неважен, тем более что он всегда разный. По рассказам одних, это пожилая женщина в белом халате, другие твердят про молодого парня в комбинезоне медбрата. Главное, что они приходят, а затем начинаются чудеса. Пациенты, на жизни которых официальная медицина уже поставила крест, внезапно идут на поправку семимильными шагами.

Кто это был? Что они сделали? Науке это до сих пор неизвестно. Когда я лежал в Голицынском госпитале, там тоже гуляла байка про тётю Марину. Весёлая женщина за пятьдесят появлялась внезапно, здоровалась со всеми по имени и оставляла за спиной только выздоравливающих. Кто она и откуда, ответить никто не мог, и только старые хирурги загадочно улыбались.

Неужели передо мной она? Я почему-то представлял эту загадочную женщину совсем иначе. Но как Эдик сумел уговорить целителя покинуть госпиталь? Как он вообще её нашёл?

– Вы тётя Марина? – несмело спросил я у гостыи, которая уже разрезала штанину джинсов Еремеева и сейчас обрабатывала его ногу ваткой, смоченной жидкостью из пузырька.

– О-о, – кинула на меня ещё один быстрый взгляд женщина. – Пограничник, что ли? Нет, я не тётя Марина. Маринка в Африку по контракту умотала. Экзотики ей, видите ли, захотелось на старости лет. Я Надежда Владимировна, на подмену ей приехала.

Руки женщины тем временем с космической быстротой порхали над ногой Еремеева. Не знаю, что именно она делала, но результат, как говорится, был налицо. Дыхание францулика стало более глубоким и спокойным, кожа перестала гореть, а тело обмякло, полностью расслабившись.

– С кем это вы так сцепиться умудрились? – спросила Надежда Владимировна, не прекращая своих манипуляций. – У парня две трещины в кости, да и порезы вроде неглубокие, а уже подгнивать начали. Когти-то явно чем-то отравлены, вряд ли всё дело в том, что кто-то руки мыл недостаточно регулярно.

– Если честно, то мы и сами не знаем, – пожал я плечами, не до конца понимая, насколько далеко можно зайти в откровениях с целителем.

– Ладно, парень, не хочешь отвечать, не мучайся кишечником, – обрубил мои опасения женщина. – Давай-ка лучше я на тебя посмотрю. Ты-то небось тоже покоцанный...

– Да есть немного, – согласился я, решив не отказываться от помощи. – Бок что-то ноет.

– Раздевайся, – скомандовала целительница, а затем уверенно коснулась моей кожи твёрдыми пальцами.

Я почувствовал лёгкие покалывания по всему телу, потом волна жара окатила поцарапанное место и тут же ушла, оставляя после себя прохладу и облегчение.

– Чем раны обрабатывал? – требовательно спросила у меня Надежда Владимировна.

– Присыпкой от ранений, – честно ответил я, даже не подумав солгать. Согласен, название звучит комично, но Мося продавал этот лечебный порошок именно под таким наименованием.

– Этот старый вампир ещё чем-то торгует? – язвительно уточнила женщина, нажимая на место ранения то сильнее, то слабее. – Я-то думала, что кто-нибудь уже давно насадил его на кол осиновый за излишнюю любовь к обогащению.

– Ну зачем вы так? – постарался оправдать я в глазах целительницы старого приятеля. – Мося просто зарабатывает копеечку на безбедную старость, тем более надо признать, что его лекарства работают.

– Это единственная причина, почему до сих пор никто не выбил его острые зубы, – ворчливо отозвалась Надежда Владимировна. – Впрочем, может быть, он поумнел и теперь действительно торгует только полезными препаратами, не пытаясь делать деньги из воздуха.

Я не удержался и хмыкнул, вспомнив его недавний бизнес-проект. Мося всегда умел держать нос по ветру, поэтому внимательно читал не только официальные новости, но и живо интересовался темами, которые обсуждались в чатах мамочек и бабушек.

Судя по всему, где-то именно в такой клоаке он и почерпнул идею биологически активных добавок, защищающих от негативного излучения вышек 5G. Раскрутиться во всероссийских масштабах ему помешал новостной сюжет местной телерадиокомпании, честно рассказавший о сотнях доверчивых женщин, но снять верхний слой сливок старый вампир наверняка сумел. Почему его «Гомеопатическую аптеку» после этого не разнесли по кирпичику, я не знаю, но в целом Надежда Владимировна была права. Мося ходил по краю, так что рано или поздно кто-то обязательно посчитает количество клыков у него в челюсти.

– Захочешь Мосе настроение испортить, спроси у него, как он приворотным зельем Григория Распутина торговал, – напутствовала меня Надежда Владимировна, прикрепляя к коже кусок пластыря. – Его тогда чуть было не расстреляли, а может быть, просто контрольный выстрел не сделали.

Судя по всему, история имела воистину эпические масштабы, но разглагольствовать дальше женщина не собиралась.

– Пулевые ранения практически заросли, – констатировала она, стягивая с рук перчатки. – Мяса поешь и поспи нормально, совсем как огурчик будешь. Яд из пореза я убрала, завтра об этой царапине и не вспомнишь. Но имей в виду на будущее: если встретишься с этой зверюгой ещё раз, то на самотёк не стоит пускать даже самое маленькое ранение. У него или неё на когтях что-то жутко убойное находится, мальчик ваш мог бы и не дожить до рассвета.

Надежда Владимировна с какой-то материнской нежностью и заботой посмотрела на Еремеева, а затем перевела на меня мгновенно построжавший взгляд.

– Перенесите его в комнату с нормальной кроватью и постарайтесь не тревожить хотя бы до завтра. Кормить куриным бульоном и варёной индейкой. Всё понятно?

– Да вроде как, – пожал я плечами. – Ещё бы понять, где сейчас взять индейку?

– Ну это уж ты сам разбирайся, – словно бы передразнивая меня, пожала плечами женщина. – Мне обратно в госпиталь надо. У меня там двое при смерти, час назад привезли из Внуково. Парень после взрыва ещё ничего, через недельку бегать будет, а вот майор с тремя пулевыми ранениями лежит, с ним точно повозиться придётся.

– Максим и Мирон? – радостно воскликнул я. – Они живы? С ними всё хорошо?

– Майора действительно зовут Максим, – удивлённо посмотрела на меня Надежда Владимировна. – Жить будет, но крови потерял много, так что с ним пока ещё ничего не понятно. А после взрыва Саша Тепляков, хороший мальчик. Я его маму знаю, она в нашем госпитале медсестрой работает.

– Сашка! Тоже живой! – искренне порадовался я хорошей новости. – А третьего не было? Такой крепко сбитый, Мироном зовут.

– Отморозок этот, – скривила гримасу на лице целительница. – Его кирпичом по голове ударило, гематома на половину лица, а он мне анекдоты рассказывать начал. Слушать ничего не хочет, понимать ничего не может. Бездёжный случай!

– Почему бездёжный? – не понял я, чувствуя, как лоб покрывается испариной.

– Я ж тебе говорю, он отморозок, – объяснила Надежда Владимировна. – Такое не лечится даже лоботомией. Я его в морг отправила, ему там самое место.

Глава 4

Я смотрелся в зеркало и хмурился, весьма собой недовольный. Ну не моё это – носить классические костюмы. Спортивный – ещё куда ни шло, но вот эти вот пиджаки, сорочки, брюки со стрелками...

Если честно, я вообще не понимаю, как некоторые люди умудряются проводить в этой униформе большую часть своей жизни. Это ж как надо любить свою работу, чтобы носить такое добровольно. Жмёт, неудобно, присесть страшно... и ведь кто-то когда-то придумал такую гадость...

Хотел бы я лично посмотреть в глаза этому садисту, а затем ещё вдобавок плюнуть в лицо тому, кто придумал, что подобная униформа должна быть обязательной для определенной части населения. Ну есть же джинсы! Нормальная одежда!

– Андрей, ты какой галстук наденешь? Голубой или темно-синий? – Женщины исторически выступают на стороне изобретателей униформы, а потому приходят в невероятный экстаз, как только выпадает возможность одеть своего мужчину в костюм, а заодно и украсить его кучей непрактичных аксессуаров. Запонки, зажимы, галстук...

Я страдальчески сморщился, глядя на своё отражение в зеркале, а затем досадливо покачал головой. Ну ё-моё, выгляжу как кукла. Неудобно до жути, ни сесть, ни наклониться. Того и гляди где-нибудь что-нибудь по шву разойдётся.

Хорошо ещё, что Степана рядом нет. Уж он-то наверняка не упустил бы сейчас возможность вдоволь позубоскалить над моими мытарствами. Но коротышка, видимо, на расстоянии чувствовал моё настроение и в квартире не появлялся. Очень, кстати, правильно. Парочка неудачных шуток – и одним домовым в Москве может стать меньше...

– Андрей, ну хватит дуться! Посмотри лучше, какой ты солидный и красивый в таком виде! – Чует моё сердце, что для Светки костюм означал нечто большее, чем просто элемент гардероба. Вон взгляд какой мечтательный становится. Кажется, что, глядя на меня, она уже мысленно примеряет белое платье и прикидывает, какие именно украшения будут уместны в этом случае.

Впрочем, чего нос морщить? Наши отношения действительно двигались к свадьбе семимильными шагами. После всех приключений, которые выпали на долю Светки рядом со мной, иной исход был бы просто неправильным. Она именно та девушка, в которой я уверен на двести процентов, а значит, чего сомневаться? Свадьбе точно быть если не сегодня, то завтра.

Правда, я искренне надеюсь, что ближайшее будущее – это всё-таки что-то эфемерное и бесконечно далёкое. Ну мы же и так хорошо живём, зачем нужны эти глупые и бесполезные формальности?

Вслух, естественно, я озвучивать подобные глупости не торопился, потому что искренне считал себя молодым и не вполне готовым к безвременной кончине. Тем более что я действительно испытывал к Светке самые тёплые и нежные чувства. Но надеть обручальное кольцо на палец и произнести заветное «Да!» в белоснежном зале... Не знаю, не знаю! Готовности к этому я пока не испытывал.

Что именно пугало меня в официальном браке? Причин было ровно две, и обе они казались мне весьма существенными.

Во-первых, Светка как-то озвучила своё желание не просто расписаться в загсе, а ещё и повенчаться... Дело, конечно, было достаточно давно, и многое из сегодняшнего она просто не знала, но мой личный страх перед храмом жил вместе со мной и никуда не девался. Вряд ли православие, как, впрочем, и любая другая официальная религия примет под своё крыло обортня. Да и не факт, что я просто под крышей церкви смогу спокойно находиться.

Была, помнится, одна давняя история. Я в те времена ещё не в полной мере осознал свою звериную сущность, а вот батюшка в храме, судя по всему, не простой был. Ох и гнал меня он тогда от алтаря, охаживая кадилом не хуже, чем иные шаолиньские монахи нунчаками работают. И ведь даже поговорить не попытался...

Просто с ходу начал бить и кричать: «Изыди!» – как будто к нему сам падший ангел в истинном обличье явился. Хотя я в вопросах теологии не очень силен. Может быть, оборотни именно так официальной церковью и воспринимаются.

Но это всё обсуждаемо, может быть, к конкретному батюшке просто подход найти надо. Вот второй вопрос беспокоил меня значительно сильнее. Тем более я просто уверен, что рано или поздно он станет ключевым на повестке нашей семейной жизни. Всё-таки мы планируем не просто жить, а пожениться. Это понятно. А вот может ли у нас со Светкой быть общий ребёнок?

Она нормальная женщина и, естественно, что рано или поздно вполне может захотеть детей от любимого мужчины. А вот я совсем не был уверен, что со мной Светлана сможет рассчитывать на подобное счастье. Официальная наука про браки оборотней и людей ничего не говорит, так что кто его знает, какими проблемами чреваты подобные приключения.

Я тряхнул головой, стараясь отогнать тяжкий вздох, который уже пытался вырваться наружу. Проблема пока не превратилась в реальность, так что и переживать о ней особенно сильно не стоит.

– Я всё-таки думаю, что темно-синий будет смотреться солиднее. – Голос Светки заставил забыть о продолжении рода и вернул меня с небес на землю. Надо признать, что выглядел в костюме я и впрямь достаточно неплохо. Ну, по крайней мере, если верить отражению в зеркале.

Это, конечно, не повод менять свой ежедневный гардероб, но один раз потерпеть, наверное, можно. А всё Эдик, свались кирпич ему на голову... «Ах, Светочка, солидное мероприятие, уважаемые гости, я надеюсь, вы проследите, чтобы Андрей не приперся туда в джинсах и футболке!»

Лучше бы сказал честно, что за мероприятие, и я бы тогда с удовольствием понаблюдал, как моя ненаглядная господиня полковника сковородкой потчует. А то слова-то какие вспомнил. «Солидное мероприятие».

Всё гораздо прозаичнее. Сегодня я ехал на оглашение завещания.

Но обо всём лучше по порядку.

С момента взрыва в аэропорту и перестрелки на шоссе прошло уже четыре дня. Естественно, Светлана и знать не знала, в какую передрыгу попали мы с напарником.

Для неё и жены Мирона была сочинена довольно правдоподобная сказочка про автомобильную аварию, в которой мой друг обо что-то неудачно ударился головой, а я вообще отделался лёгким испугом.

Главным виновником аварии назначили Мерзкого, благо он до сих пор в госпитале, да и женой, которая может ему канифоливать мозг, пока не обзавёлся. Светка Мирона вживую не видела, а Наташка ей, видимо, ничего рассказать ещё не успела. А может, просто не захотела.

Так-то, положив руку на сердце, выглядел мой напарник и впрямь достаточно живописно. Я уж не знаю, в какую часть головы ему прилетел кирпич, но от удара на лице Мирона вздулись огромные гематомы, которые сначала имели иссиня-чёрный цвет, а затем стараниями целителя и вовсе пожелтели. Со слов Надежды Владимировны, буквально неделя – и мой напарник будет как новенький, но вот пока его одного лучше на волю не выпускать.

По крайней мере, гаишник, который тормознул нас для проверки документов, при виде Мирона сначала захлебнулся воздухом, а потом и вовсе заикаться начал.

Мерзкого перевели из реанимации в палату. Съездить в госпиталь мне не дали, но Эдик клятвенно заверил, что с Максимом всё обязательно будет хорошо. Правда, почему-то катего-

рически отказался отвезти ему новенький смартфон с сим-картой. Я поначалу даже собрался полковнику рожу набить, но он так убедительно лепетал что-то про полоумные правила, запрет электронных устройств на территории госпиталя и ежедневные проверки, что я почти поверил. Маразма в системе в последние годы и впрямь становилось всё больше, так что проще дожидаться, пока Максима выпишут.

Хотя, если честно, полного доверия к словам Эдика у меня всё равно не было. Так что для очистки совести я всё-таки позвонил в госпиталь и убедился, что Мерзкий переведён из реанимации в отделение. Знаем мы этих полковников, врать в глаза они обучены профессионально. Как говорится, «лапшу на уши вешать – не мешки таскать».

А вот Саня Тепляков до сих пор находился в коме. Оказывается, это он среагировал на пущенную гранату и фактически спас моему напарнику жизнь. Мирон очень переживал по этому поводу и грозился порвать виновника всех злоключений на мелкие кусочки, но вот только выяснить, кто он, пока не получалось.

Самым смешным во всей этой истории оказалось лицо французика, когда Эдик с Миронем объявились в особняке в Переделкино. Судя по всему, именно сейчас до него начали доходить все нюансы российской действительности и то, что мы все не врали ему с самого начала. Его жизнь находилась в опасности, и самое противное, что никто до конца не знал источник этой напасти.

Так что сначала Еремеев начал дышать через раз, увидев жёлто-синее лицо Мирона, а затем, по-моему, попросту прекратил это делать, услышав наши разговоры. Тем более он до сих пор с опаской поглядывал на пудовые кулаки моего напарника и, судя по всему, побаивался, как бы ему не прилетело в челюсть ещё раз.

– Ну так что, господин Еремеев? Дружить будем? – вместо приветствия спросил Эдик, усаживаясь напротив француза. – Или вы опять начнёте требовать консула и изображать полное непонимание?

– А нельзя? – как-то по-детски наивно спросил Жан, внимательно рассматривая Эдика. – И кто вы такой? С вами я ещё не успел познакомиться.

– Я полковник Седых, госбезопасность, – коротко отрекомендовался Эдик. – Мы с вашим дедушкой были достаточно неплохо знакомы, и я искренне скорблю о его гибели. Вы меня, конечно, не знаете, а вот мне довелось разглядывать ваши фотографии чуть ли не с момента рождения.

– Вы из кагэбэ? – уточнил Еремеев, никак не отреагировав на слова Эдика про детские фотографии. – Ваше правительство хочет забрать наследство дедушки себе?

– Да нет, – усмехнулся Эдик. – Бизнес и имущество Ивана Максимовича достанутся законным наследникам. Тем более что ваш дедушка оставил завещание. Но вот некоторые хранимые им вещи ему точно не принадлежат и никогда не принадлежали. Так что вот в этом вопросе я хотел бы надеяться на ваше полное содействие.

– А о каких именно вещах идёт речь? – Было видно, что молодой человек волнуется, но изо всех сил старается держать себя в руках.

– Я хотел бы пока не вдаваться в конкретику, – развёл руками Эдик. – Меня интересует ваше принципиальное согласие на помощь.

– Знаете, у вас довольно оригинальные методы договариваться, – скривил губы в усмешке Еремеев. – Сначала меня похищают, потом я участвую в драке с непонятными созданиями, а потом являетесь вы и начинаете требовать какое-то обещание. Вам не кажется, что наш разговор выглядит глупо?

– Слышишь, ты! – влез в беседу Мирон, попытавшись нахмурить брови, а затем страдальчески схватившись за лицо. – Если ты ещё не понял, то мы тебе жизнь спасли. Два моих друга сейчас находятся в реанимации, и всё из-за твоей тощей задницы. Может быть, господин полковник и впрямь слишком вежлив? Давайте выгоним этого лягушатника на улицу к чёрто-

вой матери, а там посмотрим, как быстро он прибежит обратно. Ты что, ещё не понял, что это не Франция, а Россия? Здесь твоя жизнь ничего не стоит!

– Не надо на меня кричать, – дрожащим голосом ответил Еремеев. – Я вообще-то не просил меня спасать. Может быть, если бы не вы, то ничего бы и не случилось.

От этих слов Мирону сделалось дурно. Он скорчил страшную физиономию, но больше ничего сделать не успел. Француз просто-напросто потерял сознание.

– Ну что ж они там в своей Европе? Совсем все калечные? – разочарованно спросил Мирон, глядя на нас с Эдиком. – Чуть что, сразу глазки закатывают... Вот как с таким можно работать?

– Глядя на тебя, можно и инфаркт получить, – съязвил Эдик, легонько похлопывая Еремеева по щекам. – Что-то он и впрямь отключился. Как бы кони не двинул.

Кони конями, но француз в тот день так и не очнулся. Причём я, если честно, происходящему сильно удивился. От чего вдруг наш юный друг впал в такое сильное беспамятство? Его же действительно не били и даже утюг разогреваться не поставили.

Поначалу я даже заподозрил Эдика в каких-то фокусах, но потом решил, что ошибаюсь. Полковник искренне пытался привести Еремеева в чувство, разве только искусственное дыхание ему сделать не успел. Так что разбираться с этим беспамятством придётся госпитальным врачам во главе с Надеждой Владимировной.

И кто в результате пострадал больше всех? Конечно же я! Еремеева отправили в госпиталь поправлять здоровье, Мирона – домой, ждать, пока лицо вернётся к нормальному цвету, а меня в Москва-Сити, наряженного в костюм и с доверенностью от нотариуса, что я представляю интересы несчастного француза.

Признаться честно, в этом районе Москвы я бывал крайне редко. Повода не было, да и сам я особенно не стремился. Высоченные башни из стекла и металла в моем сознании упорно не хотели встраиваться в образ города.

А если сразу на душу не легло, то потом обязательно начинаешь искать не достоинства, а недостатки. Ветрено, шумно, суетливо... Много людей, причём не только обитателей многочисленных офисов, но и простых зевак, приехавших со всех окраин сделать селфи на фоне урбанистического чуда.

Все куда-то спешат или даже опаздывают, поэтому достаточно быстро появляется ощущение, что ты всего лишь муравей, причём почему-то в чужом муравейнике. Разве ж это жизнь? Бежишь, бежишь, а куда? Зачем? Не по душе мне такое.

Так что, покинув уютный салон такси, я несколько минут просто стоял на набережной и смотрел на неумолимый бег речной воды. День, испорченный утренней примеркой костюма, по определению не мог закончиться хорошо, и я буквально-таки заставлял себя отправиться к точке назначения.

Эх, сюда бы Мирона. Тогда б я наверняка чувствовал себя гораздо веселее. Если уж не от его шуток, так хотя бы просто от цвета лица.

Выйдя из лифта на сороковом этаже одной из высоток, я посмотрел на часы и понял, что пришёл вовремя. Если быть точным, то почти за час до назначенного времени.

Ненавижу приходить на официальные мероприятия точно к сроку, а вернее опаздывать. Неважно, совещание это или просто театральная постановка. Все уже собрались, расселись, мероприятие пока не началось, поэтому сидящие ищут способ скрасить ожидание. А что может быть лучше, чем поразглядывать окружающих?

Так что пробирающийся к своему месту человек просто обречён на всеобщее внимание. Буквально всем внезапно становится любопытно, кто же это там спотыкается о чужие ноги или поставленные на пол сумки? Как по мне, ощущения достаточно противные.

Одни тебя изучают, как бабочку на булавке, другие взглядом насквозь просвечивают, а третьи и вовсе норовят раздеть для мысленных непотребных действий. Нет уж, спасибо, наслаждайтесь кем-нибудь другим.

Глубоко вздохнув, я решительно потянул на себя массивную дверь, убедившись, что на табличке написано именно то, что мне нужно.

«Нотариус Д. В. Алексеев».

Сидящая в приёмной секретарша наверняка проходила стажировку в госбезопасности. По крайней мере, взгляд у неё вполне соответствовал минимум майору, причём не простому, а из расстрельной команды. Под взором её серых глаз я сразу же почувствовал, что костюм на мне безумно дешёвый, а сам я наверняка ошибся адресом. А ещё я понял, что секретарша ведьма.

Это обстоятельство удивило меня настолько, что я даже не расслышал вопроса, с которым она ко мне обратилась. Ведьма, у которой есть постоянная работа? Нонсенс, да и только. По крайней мере, мне ещё не доводилось сталкиваться с тем, чтобы представители этого племени заботились заработком на кусок хлеба.

Кто же тогда сам нотариус, если может позволить себе ведьму в приёмной?

Нотариус оказался евреем. Нет, не подумайте про меня плохо. Никакого антисемитизма или предубеждений. Простая констатация факта. Немолодой плешивый еврей без каких-то необычных способностей. Ну или только передо мной был настолько сильный колдун, что смог легко спрятать свою сущность.

Худой, с острыми чертами лица старик смотрел на меня из-за стёкол очков в золотой оправе и выражал крайнюю степень недовольства моим появлением.

– Слюшаю вас, мьёлодой чьеловек! – даже не пытаюсь смягчить акцент, обратился он ко мне, буквально кинув взгляд в мою сторону. – Вьеа Бойисьёвна слишком добра, поэтому не стьяла вьяснять, что вам нужно. Однако ви должны понимать, что вьемя дьеньги, и его у мьеня с каждым днём становиться всьё меньше.

Я не стал язвить в ответ и молча протянул Алексееву бумаги с огромными гербовыми печатями. Взяв протянутую папку, юрист немедленно раскрыл её и погрузился в чтение. Я же тем временем огляделся по сторонам и понял, что мама оказалась права, когда настойчиво уговаривала меня в детстве пойти в юристы. Площадь кабинета у нотариуса была едва ли меньше, чем вся моя квартира, причём вместе с санузлом и балконом.

В отличие от многих своих коллег, Алексеев не стал увешивать стены рамочками с дипломами и фотографиями себя любимого в окружении разных влиятельных господ. На стенах висели довольно симпатичные картины, и даже я, далёкий от высокого искусства, понял, что это довольно дорогие подлинники. Может быть, не Рафаэль и не Шишкин, но явно не дешёвые полотна. Рядом с антикварной мебелью ничего другого находиться не могло.

А какой здесь потрясающий вид из окна! Всё-таки в огромных панорамных окнах есть какая-то изюминка. Должно быть, вечером, когда загораются фонари, а у машин включаются фары, картинка и вовсе великолепная.

– Оччень интьеесно, мьолодой чьеловек, – закончил тем временем изучать мои документы Алексеев. – Пьизнаюсь чьестно, новость о болезни гьосьёдина Еемеева довольно ньеожиданна. Я вынужден пьёсить вас подождать, пьёка моя помощница не пьёвеит все данные. Пьисьядьте!

И он указал рукой на кресло, стоявшее у стены метрах в десяти от стола. Я молча сел и с независимым видом достал из кармана пиджака смартфон. Вот поэтому на всякие официальные мероприятия я и стараюсь приходить заранее. Спокойно, без спешки, всегда есть возможность оглядеться и оценить обстановку. Тем более что это никогда не бывает лишним.

Вот был бы номер, если бы этот нотариус начал проверять мои документы в последний момент. Представляю, сколько ненужного внимания и интереса вызвала бы тогда моя персона. А так есть надежда, что я скромненько отсижусь в уголке и уйду незамеченным.

Впрочем, секретарша Алексеева справилась буквально минут за десять, а вот дальше начались сплошные неожиданности.

– Андзей Аьексяндзьевич, – обратился ко мне нотариус, коротко переговорив с секретаршей и забрав у неё мои документы. – Раз уж вы здесь и полностью представляете дела господина Еемеева, то скажите мне, как мы поступим с дьеньгами. С собой забейёте или откъёем счёт?

– Деньги? – удивился я. Ни про какие деньги у меня разговора с Эдиком не было. Еремеев до сих в госпитале, так что инструктировал меня один полковник, он же, кстати, и привёз мне документы, в которых значилось, что я представляю интересы Жана Мари Еремеева и имею право на любые действия от его лица. – Дедушка оставил Жану какие-то деньги? Много?

– Да нъет, – на лице нотариуса проскочила короткая усмешка, – девьяносто милльинов дьёллайов, ну и евьо с юйблями немножко.

Глава 5

Девяносто миллионов долларов! Обалдеть!

Скажем так...

Я даже теоретически не могу представить, какую сумму сейчас нотариус озвучил. Непроизвольно в памяти всплыл прочитанный когда-то блог, что миллион долларов должен помещаться в современный дипломат.

Это что ж? Сюда сейчас притащат девяносто чемоданов денег? Как же я их в Переделкино потащу? В багажник такси, наверное, столько не влезет...

Следующая мысль оказалась более разумной, и я понял, что предложение Алексева открыть счёт выглядит более чем логичным. Правда, я пока не очень представляю, можно ли мне подписывать за французика какие-то финансовые бумаги...

Блин, а если что-то пропадёт? Или вдруг на счету окажется меньше?

Костюм почему-то немедленно стал очень тесным, а по спине поползла предательская струйка пота. Ну, Эдик, сволочь такая! Втравил же ты меня в историю. Нет бы самому взять и разобраться со всеми этими деньгами...

Хорошо ещё, что я приехал заранее. По крайней мере, есть шанс распутаться со всей этой лабудой до поздней ночи.

– Думаю, что счёт в данном случае вариант оптимальный, – огромным усилием воли выдавил я из себя улыбку. – В конце концов, в двадцать первом веке живём, негоже приличным людям таскать в карманах пачки с банкнотами.

– Пьекъясный выбой, – улыбнулся нотариус. – Сейчас Вьера Борйисъевна всё ойганизуйет.

Спросить, что именно организует секретарь, я почему-то постеснялся. Ведьма же кинула на меня быстрый взгляд, а затем стремительно вышла из зала. Ну что ж, значит попозже мне всё объяснит.

Мы остались вдвоём с нотариусом, который явно не планировал развлекать меня светской беседой. Уткнулся опять в какие-то бумаги и углубился в чтение. Интересно, неужели вся макулатура на его столе относится к наследству Еремеева? Тогда оно должно быть поистине огромным.

Впрочем, о том, что безвременно почивший бизнесмен обладал весьма хорошим достатком, мне уже накануне успел рассказать Эдик. Я всё-таки сумел прижать полковника к стенке и буквально-таки выбить из него признание о том, что связывало госбезопасность и отечественный бизнес.

Ларчик открывался просто и элементарно. Еремеев зарабатывал на хлеб насущный тем, что торговал информацией.

Да, вот так вот легко и банально. Информация – она ведь тоже разная бывает. Люди платят даже за банальное расписание электричек или телепрограмму, хотя эти данные можно получить абсолютно бесплатно. Что уж тогда говорить про какие-нибудь более важные сведения?

Информацией торговали всегда. Новости, государственные и коммерческие секреты, прогнозы.

Как говорится, спрос рождает предложение. До тех пор пока какая-то информация будет кому-то нужна, её будут продавать. Ну и соответственно покупать.

Так вот, Иван Максимович Еремеев торговал рецептами зелий, заклятий и заклинаний. А иногда к тому же сбывал артефакты. Или опять-таки информацию о том, где эти артефакты достать.

Вот так вот простенько и банальненько.

Причём где и когда бизнесмен получил доступ к такому кладу, никто не знал, по крайней мере, Эдик в своих рассказах утверждал именно так.

Но, видимо, этот факт биографии господина Еремеева окружающих не так уж и сильно интересовал. Гораздо любопытнее было приобщиться к знаниям, которыми он делился с ограниченным, но вместе с тем достаточно платёжеспособным кругом лиц. Если я правильно понял, то что только не предлагалось охочим до подобной информации персонам.

Древний магический ритуал, позволяющий получить доступ к захоронению кого-нибудь из древних ведьмаков или ведьм? Десять лет назад один из коленов Москвы выкупил подробное описание целого квеста, главным призом которого оказался гребень благостной Всеславы. Кто это такая, я точно не знаю, но со слов Эдика выходило, что чуть ли персона доисторической эпохи, которая живой даже Бабу Ягу со Змеем Горынычем видела. Свойства загадочного гребня тоже не разглашались, но слухи о вечной жизни его обладательницы явно появились не на пустом месте.

Карта захоронок шайки Борьки Лютого, того самого, что грабил купцов во времена Екатерины Великой? Никаких проблем. Четыре года назад кто-то из вампиров приобрёл сей пергамент за весьма кругленькую сумму, но вроде как отбил её по итогу в двадцатикратном размере. Борька Лютый в благородство не верил и Робина Гуда из себя изображать не собирался, так что золота и серебра царской чеканки по разным укромным уголкам закопал огромное количество.

А может быть, хотите рецепт зелья от бесплодия? В Калужской области теперь есть клиника, в которой помогают тем женщинам, от которых отказалась официальная медицина. Лечат, конечно же, дорого и по предварительной записи, но ведь лечат же.

Ах да! Совсем забыл упомянуть.

Уважаемый Иван Максимович Еремеев ничего не продавал просто так, какому-то конкретному покупателю.

Каждый лот из его запасов выставлялся на закрытый аукцион, стартовая цена на котором всегда увеличивалась в несколько раз. Тем более что в торгах так или иначе были заинтересованы практически все обитатели потусторонней столицы. Да и не столицы тоже.

Вон буквально в прошлом году ведьмак из Екатеринбурга рецепт обработки малахита выложил. И ведь наверняка точно знал, что он ему нужен, а иначе зачем ещё выкладывать за обгрызенный рукописный листочек почти два миллиона. Естественно, что речь сейчас идёт не о рублях.

Так что уважаемый господин Еремеев обладал сокровищем, охотников на которое наверняка будет несметное количество.

– Самое плохое, Андрей, – без конца повторял мне Эдик во время нашей с ним последней беседы, – никто точно не знает, что именно хранится в закромах у Еремеева. Я потратил несколько лет жизни, чтобы понять этот вопрос хотя бы примерно, но думаю, что и на йоту не приблизился к разгадке. А если там какая-нибудь запретная магия? Некромантия, например?

В чём в чём, а в убедительности Эдику не откажешь. По крайней мере, лично я проникся. Именно поэтому и сижу сейчас здесь, на сороковом этаже башни Москва-Сити и жду тех, кто хочет наложить лапу на наследство господина Еремеева.

А вот и первый желающий.

Ба, знакомые всё лица!

Первыми в зал вошли высокие мужчины в строгих темных костюмах, и я непроизвольно замер, поражённый увиденным.

Крамер! Глава одного из вампирских семейств Москвы. Сопровождаемый свитой подручных кровосос стремительным шагом пересёк комнату и остановился перед нотариусом Алексеевым.

– Добрый день! – Вампир говорил негромко, но удивительно чётко, по крайней мере, я мог легко расслышать каждое сказанное им слово. – Я прибыл на оглашение завещания господина Еремеева.

– Здавайтесь! – степенно кивнул юрист. – Ви полагаете, што можете оказаться в числе наследников?

– Полагаю! – отчеканил Крамер, не отводя взгляда от лица Алексева, но старого нотариуса это не смутило.

– Пысьядьте, – указал он рукой на кресла. – У нас ещё есть нъемного вьемени.

– Хорошо, – с непонятной интонацией в голосе протянул вампир, а затем развернулся и увидел меня. В этот момент я безумно пожалел, что кровосос наполовину мёртвый. Мне бы сейчас не помешало увидеть эмоции на его лице. Единственное, что я понял, так это то, что Крамер не ожидал меня здесь увидеть, а вот рад он встрече или, наоборот, расстроен? Кто ж теперь скажет?

– Андрей! – Лицо вампира исказила самая дружелюбной из его улыбок. – Признаюсь честно, ты, наверное, последний человек, кого я ожидал здесь увидеть. Разве ты был знаком с господином Еремеевым?

– Здравствуй, уважаемый! – Мне пришлось встать и пожать его мускулистую руку, а затем кивнуть сопровождающим. В ответ, правда, я удостоился только изучающего взгляда, но расстроиться по этому поводу не успел.

– Андрей, а какие у тебя были дела с Еремеевым? – Судя по всему, этот вопрос сейчас для Крамера имел первостепенное значение. – Я не знал, что у тебя здесь какие-то интересы.

– Слушай, ты всё неправильно понял, – решил я расставить сразу все точки над «и». – Я вообще не знаю, кем был этот уважаемый господин. Но один мой знакомый стесняется приходить на публику, поэтому он попросил меня поприсутствовать здесь сегодня за него.

– Да? А он кто? Я его знаю? – моментально напрягся Крамер. – Он будет претендовать на наследство?

– Да я ж откуда... – изобразил я искреннее изумление. – А ты сам как? Претендуешь?

– Да я тоже пока не в курсе, – моментально потух Крамер. – Понимаешь, Андрей, у покойного была одна вещь...

В этот момент двери в зал снова отворились, и моя челюсть в очередной раз устремилась к полу. В помещение вошла высокая статная женщина совершенно сногшибательной внешности. Её строгое вечернее платье подчёркивало все достоинства фигуры, причём делало это так вызывающе, что высокая грудь и крутые бедра буквально приковывали к себе взгляд.

– Ух ты, Снежана! – негромко пробормотал рядом со мной Крамер. – А этой твари что здесь нужно?

– Зачем ты так? – обиделся я за женщину. – Она же не сделала ничего плохого.

– Что, Андрей, понравилась? – ткнул меня кулаком в бок Крамер. – Ничего, это нормально. На внешность этой ведьмы любой мужик поведётся. Правда, это ничуть не добавляет ей доброты или святости.

Теперь я уже и сам понимал, что появившаяся в зале красавица является ведьмой. Необычайно сильная, наверняка из тех, кто умеет творить волшебство не напрягаясь, а так, походя.

Например, что-то подсказывало мне, что и внешность вошедшей имела исключительно магическую природу. Наверняка в реальности этой красавице уже не одна сотня лет, но ведьмам свойственно скрывать свой реальный возраст. Да и не может ни одна женщина выглядеть так хорошо без косметики. А тут посмотрите! Идеальная кожа лица и даже вроде как естественные черты. Как говорит Мирон, «это слишком сладко, чтобы не оказаться противным».

В чем вампир оказался полностью прав, так это в том, что внешность вошедшей произвела впечатление на любого мужчину. Старый юрист Алексев, увидев ведьму, громко икнул, а затем подскочил с кресла и буквально выбежал из-за стола ей навстречу.

– Дьёбий дьень! – Акцент нотариуса стал гораздо сильнее и отчётливее, но, похоже, что старика сейчас подобные мелочи не смущали. Он оказался гораздо ниже вошедшей и сейчас с обожанием смотрел на неё снизу вверх, едва не подпрыгивая на месте. – Вы тьёже пьишы на огьяшение завьещьяния? Йязьешите пьедствьявится, нотььяиус Айексеев.

– Снежана Рассказова, – протянула юристу руку вошедшая женщина, и старик немедленно страстно облобызал её пальцы. Голос ведьмы оказался под стать внешности. Прямо-таки хрустальное журчание ручейка летним утром. При первых же звуках вспоминается Алёнушка из фильма «Морозко», но там главная героиня вызывала умиление, а не чувство опасности. Впрочем, старика Алексева это обстоятельство, похоже, ни капельки не смущало. Не хочу сказать про кого-нибудь плохо, но красавице явно срочно требовался платок или как минимум большая салфетка. Слюней нотариус на белоснежной коже оставил изрядное количество. – Я безмерно скорблю по моему близкому другу Ивану Максимовичу. И я очень хочу услышать его последнюю волю. Возможно, я смогу хоть как-то отблагодарить этого прекрасного человека за все его добрые дела.

– Ещё не факт, что ты сама его не удавила. – Эти слова Крамер произнёс уже громко, ничуть не стесняясь, что может быть услышанным.

– Я могу предъявить твоей семье такие же обвинения, – хрустальный голосок ведьмы буквально сочился морозом, – но у меня нет времени на пустые препирательства. Если есть доказательства, то говори! А коль нет, то не порть мне утреннее настроение.

Я ожидал продолжения перепалки, но Крамер почему-то, наоборот, смешался и, бурча что-то себе под нос, отвернулся от ведьмы.

– Если честно, я и в самом деле хочу знать, кто именно причастен к смерти Ивана, – уже нормальным голосом сказал, обращаясь ко мне, Крамер. Снежана удалилась от нас на вполне достаточное расстояние, чтобы не разговаривать шёпотом, хотя если ведьма захочет услышать, о чем идёт речь, то она найдёт способ это сделать.

– Знаешь, Андрей, мы с Иваном не были друзьями, – продолжал тем временем изливать мне душу вампир, – но я всегда уважал его за честность и твёрдые принципы.

Интересно, а с чего вдруг Крамер решил передо мной исповедоваться? Согласен, открытой вражды между нами никогда не было, скорее, наоборот, нас можно было назвать приятелями, но сейчас причины его откровенности были абсолютно непонятны. Может быть, Крамер пытается отвести от себя подозрения, а на самом деле у него-то как раз рыльце и в пушку? Или у кого-то из его подручных?

– Понимаешь, Андрей, – продолжал тем временем заливаться соловьём Крамер. – Иван Максимович ни разу не поступился своими убеждениями, как бы мы ни пытались давить на него. И вот теперь его нет! Жалко....

Да уж... Сюжет очередного анекдота. Вампир, которому жалко человека. Если только в том случае, что не успел его кровью полакомиться.

Тем временем дверь в зал снова отворилась, и на пороге, внимательно оглядывая помещение, остановился грузный широкоплечий мужчина в соломенной шляпе и со старым брезентовым рюкзаком на плече. Да уж, вот ему явно никто не приседал на уши по поводу важности мероприятия и обязательности костюма.

Кирзовые сапоги, брезентовые брюки и растянутый свитер наверняка привлекли не один взгляд, пока мужчина шёл по Москва-Сити. Такой наряд гораздо больше подошёл бы берегу озера и рыбалке, чем деловому центру, но мужчину, похоже, это абсолютно не смущало.

Неторопливым, но весьма уверенным шагом обладатель соломенной шляпы подошёл к столу, за которым сидел Алексеев, и громогласно поздоровался.

– О-о-о, – донёсся до нас изумлённый голос нотариуса. – Михай Валерьянович! Очень йяд и очень удивьён! Ви тоже жьелайете узнать пьёследнюю вьёлю Ивана Макьимовича? Но вас же нье било в списках! Интейесно узнать, как ви сьюмели пйёйти охьяну?

– Когда мне куда-то надо, то я иду и не спрашиваю, – произнёс в ответ мужчина, стаскивая с головы шляпу и демонстрируя почтенному обществу роскошную лысину. – Ты же, наверное, и сам завешание не читал, а иначе бы не задавал таких глупых вопросов.

После этих слов человек со странным именем Михай Валерьянович развернулся и ещё раз внимательным взглядом оглядел всех собравшихся. Когда его взор оступал меня с ног до головы, я непроизвольно поёжился. Не знаю почему, но меня обдало арктическим холодом, как будто я оказался абсолютно голый на морозе.

Мысль «Куда я полез?» с каждой секундой становилась всё сильнее. Отвлекаться от происходящего и навязчивого бормотания Крамера помогали только фантазии о том, с каким наслаждением я прямо на себе в мелкие клочья разорву пиджак и рубашку. У меня было навязчивое ощущение, что я пропотел насквозь и выгляжу абсолютным чучелом.

А дальше народ в зал повалил буквально косяками. Я чувствовал исходящие от них эманы силы, а некоторых участников собрания узнавал в лицо.

Вот ещё один глава вампирской семьи. Не помню точно, по-моему, его зовут Александр. Общих дел мы с ним не имели, но, помнится, меня с ним как-то познакомили в баре у Артёма. Артём же как раз и знакомил. Семья у этого Александра вроде как небольшая, но очень хорошо организованная и сплочённая.

А с этой ведьмой мы однажды сцепились из-за картины. Ну не совсем простой картины, конечно же. Там была изображена девушка с ландышами, вроде бы банальный портрет, но с очень противным нюансом. Картина насылала на владельцев галлюцинации, после чего шайка ведьм обирала этих несчастных в буквальном смысле слова до трусов. Весёлая вышла история, чуть было до смертоубийства не дошло, но картину я всё-таки испортил.

Когда в зал бочком протиснулся Мося, я понял, что уже совсем ничему не удивляюсь. Владелец «Гомеопатической аптеки», естественно, узнал меня, но подходить не стал, а только ограничился церемонным кивком.

Впрочем, я его не осуждал. В зале к этому моменту откровенно стало тесно, и Мосе с его выдающейся фигурой протискиваться ко мне было не очень удобно. Все сидели достаточно близко друг к другу, непроизвольно разбившись на группки. Не испытывающие друг к другу откровенной ненависти о чем-то негромко переговаривались, обмениваясь последними слухами и сплетнями. Даже Крамер нашёл для себя свободные уши и сейчас с жаром втолковывал что-то молоденькой ведьме о трудностях покупки донорской крови.

Я же в очередной раз вздохнул и с тоской подумал, что, когда не надо, время тянется мучительно медленно. К тому же не оправдались мои надежды встретить здесь тех, кто имел отношение к нападению на меня и Мерзкого. Нет, кроме меня в зале присутствовала ещё парочка оборотней, но одного я прекрасно знал, а второй вроде как давно и плотно сидел на крючке у Эдика, не позволяя себе без его команды сделать даже лишний шаг в сторону.

Я, конечно же, потом уточню эту информацию ещё раз, но пока что явных кандидатов на роль злодеев не находилось.

По залу пронёсся громкий звук, как будто спрятанные за ширмой старинные часы отбили начало часа.

– Всьем дьёбый дьень! – голос нотариуса прозвучал набатом, явно усиленный то ли микрофоном, то ли магическим артефактом. – Давайте начнём наше скорбное мероприятие.

Юрист замолчал, и я понял, что в зале установилась буквально-таки мёртвая тишина. Алексеев обвёл всех довольным взглядом, а затем продолжил уже гораздо тише. Акцент старика чудесным образом куда-то испарился, а голос как будто бы стал моложе и мелодичнее.

– Иван Максимович Еремеев покинул этот мир, и это событие несомненно опечалило многие сердца. Но мы с вами продолжаем жить, и лучшее, что можем сделать в память о господине Еремееве, – это исполнить его волю.

Я слушал голос нотариуса и невольно проникался торжественностью момента. Происходящее напоминало мне просмотренное когда-то кино, и невольно я сам чувствовал себя участником этого кинофильма.

– В первую очередь я хотел бы ответить на тот вопрос, который многие из вас почему-то задавали мне чаще других, – неторопливым и размеренным голосом продолжал говорить нотариус. – Я не имею отношения к двум офисным этажам в этом здании, которые занимает фирма «Еремеевская мануфактура». Эти объекты не являются объектом наследования и в результате сделки купли-продажи уже полгода назад оформлены на господина Жана Еремеева, родного внука Ивана Максимовича. Это абсолютно точно, потому что я лично заверял эту сделку.

По залу прокатились охи и вздохи, а я недоуменно посмотрел на присутствующих. Что там такого могло быть, что столько народу непременно хотело похозяйничать в чужом кабинете? Да и с чего они вообще решили, что им это будет позволено?

– Иван Максимович оставил ряд вещей своим друзьям, – продолжал тем временем Алексеев. – С вашего позволения, я зачитаю весь список...

На этих словах я несколько выпал из реальности. Моя фамилия вряд ли должна прозвучать, а что за предметы будут делить присутствующие, мне как-то было не очень интересно. Ну решил дедушка сделать присутствующим прощальный подарок. Молодец! Хороший друг, верный товарищ!

Другой вопрос, что он, получается, к своей смерти подготовился заранее. А Эдик-то говорил, что его убили. Или это просто господин полковник везде теорию заговора ищет? Странно здесь всё.

Чем же таким торговал загадочный бизнесмен? Я понимаю, что информация ценная и нужная, но путать-то не надо. Выразить скорбь можно и простой открыткой, а здесь, судя по лицам, чуть ли не весь цвет потустороннего мира собрался. Ну не верю я, что на похороны простого торговца может съехаться настолько представительная публика. Что происходит-то?

– Господин Крамер получает янтарный браслет из коллекции Фридриха Великого, – донёсся до меня голос Алексева.

– Ох, ё, – как-то странно обмяк сидящий рядом вампир. – Да это ж...

Продолжать фразу Крамер не стал, а вот моё любопытство распалилось до невозможности. Янтарный браслет... Фридрих Великий... Этот дедушка что, пещеру Аладдина нашёл?

– Всё остальное имущество господина Еремеева переходит его племяннику, господину Жану Еремееву, – услышал я наконец слова, хоть чуть-чуть касающиеся моей персоны. – Однако это ещё не всё.

Последние слова заставили всех присутствующих напрячься. Негромкие шепотки смолкали, и десятки глаз вновь обратились на старого юриста.

– Наследство вступит в законную силу только тогда, когда мне будет предъявлено золотое перо!

«Какое перо?»

Я понял, что опять абсолютно не в курсе происходящего.

– Что? Перо исчезло?

– Библиотека бесхозна?

– Кому Иван мог оставить его?

Голоса раздавались со всех сторон, чем ещё больше повергали меня в смятение.

– У пера нет наследника?

– Я думал, что перо перейдёт к внуку...

– Кстати, да! А где сам Жан Мари?

– Кто-нибудь вообще видел этого внука?

Вопросы начинали приобретать неприятную направленность, и я понял, что надо поскорее покинуть досточтимое собрание, пока юрист не перевёл на меня все стрелки.

– Господин Алексеев, а почему здесь нет самого Жана Мари, внука Ивана Максимовича? – Михей Валерьянович не спросил, а буквально рыкнул, легко перекрыв начинающийся гвалт. Кто же этот старик, позволяющий себе вести себя столь бесцеремонно?

– Господин Еремеев уже находится в Москве, но, к сожалению, в пути он немного приболел, – чинно ответил нотариус, не глядя в мою сторону. В этот момент я был готов расцеловать старика и потихоньку начал пробираться в сторону выхода. Сейчас главное – свалить и рассказать всё увиденное Эдику. Пускай, наверное, дальше сам разбирается...

Когда до двери оставалось буквально несколько шагов, она отворилась, и я увидел Веру Борисовну, секретаря нотариуса.

– Андрей Александрович, – голосом вышколенного дворецкого громко провозгласила ведьма. – Пришёл представитель банка с документами по счетам Жана Мари Еремеева!

Твою такую десятую конную дивизию имени бригадира колхоза «Светлые Зори» Парнаса Залопупенко! Ну вот как так-то! В самый последний момент!

Я кожей чувствовал десятки взглядов, и это ощущение никак нельзя было отнести в ряд приятных.

Оставалось только попросить табуреточку, залезть на неё и раскланяться...

Глава 6

Если честно, я не знаю, каким чудом в тот момент удержался от трансформации. Десятки любопытных взглядов рвали меня на части, что-то требовали и грозили превратиться в нечто большее, чем просто заинтересованность. Складывалось ощущение, что меня сейчас начнут резать на самые маленькие кусочки.

Не знаю почему, но Иван Максимович Еремеев значил для собравшихся очень и очень много. Бизнесмен, конечно, поступил предусмотрительно и постарался оставить всем маленькие памятные подарки о своей персоне, но, судя по всему, уважаемой публике этого казалось мало.

– Молодой человек, а где, собственно, упоминаемый вами внук? – Михей Валерьянович не смог усидеть на месте и, вскочив со стула, протянул в мою сторону руку. – Вы ничего не хотите нам объяснить?

– Какие деньги Еремеева? Что вообще происходит? – заорала ведьма, которую однажды обматерил Мирон, а затем едва не разрезал надвое. Странно, что она меня не вспомнила. Видимо, женская память и впрямь работает крайне избирательно.

– Кто вы такой? – настойчиво дёргала мой рукав пожилая женщина, сидящая рядом с проходом. – Я уверена, что нам стоит познакомиться поближе!

– Документы! Кто-нибудь проверял документы у этого проходимца? – Этот крик раздался откуда-то со спины, но у меня не было ни малейшего желания оборачиваться и выяснять, кто там такой настырный.

Сердце подсказывало, что меня сейчас будут бить, причём, возможно, не только ногами. Банковский клерк, которого завела в зал Вера Борисовна, судя по всему, был в шаге от обморока и планировал в самое ближайшее время потерять сознание. Его лицо было не белым, а просто-напросто пепельным. Парень наверняка проклял сегодняшний день и тот случай, который заставил его оказаться здесь с банковскими документами.

А вот секретарша нотариуса, наоборот, выглядела весьма довольной, получая чуть ли не физическое удовлетворение от переполоха, который она только что устроила. Интересно, на кого она работает? Неужели устроенная провокация – дело рук Алексеева? Теоретически, конечно, возможно, но вот только зачем? Какую выгоду от скандала получает старый нотариус?

Желание убивать внутри росло с космической скоростью. Я понимал, что моя трансформация закончится огромной кровью, а соответственно, ничем хорошим, но сдерживаться с каждым мгновением становилось всё тяжелее.

Крики вокруг становились громче, ещё немного – и либо я сорвусь, либо на меня кто-то набросится. Надо уходить, но, скажите на милость, как мне сейчас выбраться из зала? Драки, скорее всего, избежать не получится. Эдик, падла такая, я же тебя с того света достану! В какую клоаку ты меня засунул?!

Хаос вокруг продолжал нарастать, но гомон приглашённых гостей внезапно перекрыл мощный рык нотариуса.

– Малчуть! – Это был тот самый случай, когда крик имел буквально-таки физическое воплощение. Лично меня ощутимо качнуло, а несчастный банковский клерк вовсе упал на колени и, кажется, задёргался в судорогах.

Возгласы вокруг смолкли, и все присутствующие в зале уставились на пожилого юриста, который почему-то выглядел абсолютно спокойным и невозмутимым. Да уж, господин Алексеев явно не простой дедушка, как бы кому ни хотелось подумать обратное. Вести себя подобным образом в присутствии столь опасной публики может себе позволить только очень и очень уверенный в своих силах персонаж, причём вряд ли будет правильно назвать его человеком.

Никто не попытался возразить нотариусу, перебить его или вообще проигнорировать распоряжение. В зале опять стояла тишина, прерываемая лишь стонами и дёрганьями банковского клерка.

– Вьейя Бойисъевна, – спокойно сказал Алексеев, обведя почтенную публику внимательным взглядом. – Отведите господина Вьинокуйова и бянковского слюжащего в офыис «Еймеевских маньюфактуй», я дьюмаю, что ми уже закончили.

Он проследил за тем, как я и ведьма помогаем подняться всё ещё дёргающемуся молодому человеку, а затем продолжил неторопливо говорить, буквально чеканя каждое слово.

– Это мой офыис, господья! И ви все, навьейное, забили пйавила повьедения в нём!

Каждое слово Алексеева отдавало эхом, накрывая зал целиком и отбивая всякое желание говорить что-то против. Наоборот, казалось, что речь старика погружает слушавших его в некое подобие транса. По-любому, это результат магии, а не природной харизмы Алексеева, хотя и надо признать, что заклинание достаточно полезное.

Дальнейший монолог нотариуса до моих ушей уже не долетел. Взяв юношу на руки, я последовал вслед за секретаршей в сторону лифта. Поначалу мне казалось, что мы должны выйти на улицу или воспользоваться каким-то подземным переходом, но всё оказалось гораздо проще и прозаичнее.

– Офис господина Еремеева находится на семьдесят пятом этаже, – пояснила ведьма, нажав кнопку вызова. К моему удивлению, Вера Борисовна вела себя абсолютно естественно, как будто ничего особенного только что не произошло. Ну, подумаешь, переполох устроила.

Впрочем, я спускать ей с рук подобные фокусы не собирался.

– А вам не кажется, Вера Борисовна, что вы сейчас перегнули палку? – начал было я выплёскивать наконец своё недовольство, несмотря на снисходительную улыбку ведьмы. – Вернее, сотворили что-то абсолютно непотребное.

– Я? – делано удивилась секретарша Алексеева. – Я всего лишь привела к вам служащего банка, как вы и просили. Он, кстати, живой?

Я уже открыл рот, чтобы прикрикнуть на неё, но в этот момент двери лифта распахнулись и Вера Борисовна шагнула внутрь кабины. Я уже занёс ногу, чтобы сделать шаг следом, как вдруг из-за спины раздался неожиданный возглас.

– Подождите! Подождите! Я поеду с вами!

В лифт буквально влетел невысокий кругленький мужчина, затянутый в черный строгий костюм и галстук невыразительного цвета. Причём, в отличие от меня, ему явно было комфортно в этой униформе. Пиджак и брюки смотрелись на нем «второй кожей», и, судя по его довольной улыбке, ему явно нигде не жало и не натирало.

Впрочем, я запросто мог ошибаться. Возможно, мужчина тоже страдал, как и я, а защемление лицевого нерва – вещь довольно распространённая. Вон как дёргается! Явно что-то не так со здоровьем!

Поворачиваясь всем телом в разные стороны, неизвестный быстрыми движениями огляделся вокруг, не задерживаясь взглядом ни на каких деталях, а затем как-то по-клоунски щёлкнул каблуками и зачем-то наклонил голову на правый бок, глядя прямо на меня.

– Андрей Александрович, разрешите представиться! Неклюдов Олег Дмитриевич, вице-президент компании «Еремеевские мануфактуры».

– О как! – искренне удивился я, а затем поставил на ноги уже пришедшего в сознание банковского служащего. – Любезный, хватит притворяться. Отдайте мне карточки и отправляйтесь спать в другое место.

Парень, судя по всему, от всего увиденного потихонечку начинал ехать крышей, поэтому на мои слова отреагировал не совсем адекватно. Он молча смотрел на нас троих широко раскрытыми глазами и только открывал рот, как выброшенная на берег реки рыба.

– Юноша, ну что вы молчите? – поторопила его Вера Борисовна. – Где финансовые документы для Еремеева?

– У... у... у меня. – Оказывается, парень ещё и заикался. Как его с таким дефектом речи в банк работать взяли?

– Молодой человек, перестаньте трястись! – неожиданно жёстко рывкнул Неклюдов. – Вы на работе или где? Вам задали вопрос! Отвечайте нормально!

– Документы на открытие банковских счетов, карточки и конверты с ПИН-кодами у меня. – Крик и впрямь подействовал на банковского клерка отрезвляюще. По крайней мере, заикаться он и правда перестал. – Надо расписаться в акте приёма-передачи. А ещё я могу помочь настроить банковское приложение и предложить кредитную карту нашего банка.

– Юноша, ты сдурел? – выругалась секретарша Алексеева. – Счета в общей сложности почти на сто миллионов долларов, зачем ему ваша кредитка сдалась? Отдай документы – и свободен!

Расписываясь на формализованном бланке, я подумал, что ведьма и впрямь неплохо считает чужие деньги. Десяносто миллионов долларов, что-то там в евро и что-то в рублях. Я и не задумывался, сколько это всё вместе, не моё – и ладно. А она вот не поленилась, прикинула.

С каждой секундой Вера Борисовна нравилась мне всё меньше и меньше. Не знаю, может быть, у Алексеева в потустороннем мире и впрямь прекрасная репутация, но вот его секретарша явно напрашивается на неприятности.

Ведёт себя как-то чересчур независимо и по-хозяйски. Ругаться с ней в присутствии Неклюдова мне не хотелось, но вот компания начинала откровенно напрягать.

Лифт прибыл на нужный этаж, но юноша из банка выходить из него отказался.

– Я вам всё отдал, – промямлил он, опасливо глядя на меня и на Веру Борисовну. – Там, если что, визитка приколата, звоните, наша служба технической поддержки ответит вам на все вопросы.

Я кивнул парню, и он с облегчением нажал кнопку первого этажа. Чует моё сердце, сегодняшний рабочий день в его банковской карьере был последним. Ну, по крайней мере, в пределах района Москва-Сити. Ещё пара таких приключений, и он пополнит ряды молодых инфарктников.

Впрочем, я постарался выкинуть парня из памяти сразу же, как только сомкнулись створки лифта. У него свои проблемы, у меня свои, так что не стоит тратить время на того, кого, возможно, больше никогда не увидишь.

Тем более моё внимание почти сразу же привлекла окружающая обстановка. Здесь всё выглядело совсем не так, как перед офисом Алексеева. Мягкий ворс под ногами, выкрашенные в ярко-изумрудный цвет стены и огромная мозаика из камней на одной из стен. Поверх инсталляции шла огромная надпись золотыми буквами.

«Еремеевские мануфактуры».

Однако... Посетителю прямо с порога дают понять, что он пришёл в солидное место, где водятся серьёзные деньги. Признаться честно, если бы я попал на этот этаж при других обстоятельствах, то немедленно бы вызвал лифт и отправился обратно. Общение с этой компанией мне явно не по карману.

А вот Вера Борисовна, похоже, бывала здесь неоднократно. Она вышла из лифта уверенным шагом, а девочка на ресепшен, увидев ведьму, расцвела в доброжелательной улыбке.

– Добрый день! – с заученными интонациями пропела сотрудница «мануфактур». – Могу я вам чем-нибудь помочь?

Затем она увидела за спиной секретарши Неклюдова и буквально подпрыгнула на месте.

– Здравствуйтесь, Олег Дмитриевич! – почему-то растерялась она. – А вы уже вернулись?

– А не должен был? – язвительно поинтересовался вице-председатель. – Или я должен был спросить вашего разрешения?

– Леночка, позовите, пожалуйста, господина Якимова, – непонятно по какому праву влезла в диалог ведьма. – Это представитель нового владельца вашей компании, ему надо показать кабинет и познакомиться с коллективом.

Трансформация Леночки выглядела результатом какого-то неизвестного человечеству заклинания. Взгляд девушки за стойкой ресепшен, обращённый ко мне, моментально стал масленным, а пуговицы на кофточке девушки начали расстёгиваться сами собой.

– О-ой, – протянула она, облизывая меня взглядом и почему-то изгибаясь всем телом. – Разрешите представиться – Елена. У меня два высших...

– Якимова позови! – жёстко оборвал девушку Неклюдов. – Успеешь ещё свои прелести продемонстрировать.

«А ведь Вера Борисовна здесь явно часто бывала, – проскочила мысль у меня в голове. – Судя по всему, каждый второй считает своим долгом докладывать ей последние новости!»

Понятное дело, что великого открытия я не совершил, да и момент для подобных рассуждений наверняка не самый удачный, но почему-то стало некомфортно. Вот знал же, что день, начинающийся с примерки галстука, ничем хорошим закончиться не может. Сейчас мне хотелось как можно быстрее срулить куда-нибудь подальше от Москва-Сити, тем более что я вроде все свои дела сделал, да и банковские карточки для француза забрал. Чует моё сердце, покоя в этом районе Москвы мне не дождаться.

– Так нет Якимова, – проблеяла Леночка, стараясь не встречаться взглядом ни с ведьмой, ни с вице-председателем. – Он сегодня не приходил.

– Даже так? – оживился Неклюдов. – Ну что ж, возможно, это и к лучшему.

Я в произошедшем на моих глазах диалоге вообще ничего не понял. Мой бедный, несколько раз изнасилованный за утро мозг невыносимо страдал от обилия новой информации. Единственная связная мысль касалась способа выбраться из здания, но парашют с собой захватить я не удосужился, а семьдесят пятый этаж не самое лучшее место для прыжков.

Надо было ехать вниз вместе с банковским клерком. Но и думать об этом стоило раньше.

Неклюдов сделал несколько шагов вперёд, а затем обернулся ко мне.

– Андрей Александрович, вы сможете войти?

Вопроса поначалу я не понял, но списал это на усталость, тупо кивнув и последовав вслед за Неклюдовым. И лишь подойдя к нему практически вплотную, я понял, что интерес вице-председателя явно не был простой вежливостью.

Я обернулся и обнаружил, что ведьма осталась стоять на том же месте с выражением крайнего удивления на лице. Она попеременно смотрела то на меня, то на стеклянную полосу в полу, как будто бы чего-то явно не понимая. Я видел этот блестящий ручеек под ногами, но не придал ему ровным счётом никакого значения.

– А это что? – недоуменно поинтересовался я у Неклюдова, видя его замешательство. Леночке в этот момент не хватало только ведра попкорна, секретарша явно наслаждалась бесплатным спектаклем, смысл которого ускользал от моего понимания.

– Андрей Александрович, – наконец взял себя в руки Неклюдов, – давайте поговорим в кабинете. А вы, Вера Борисовна, извините. Якимова нет, так что вы сегодня обойдётесь без чашечки кофе.

Судя по всему, стеклянная полоса на полу представляла собой какой-то защитный оберег, и по разумению моих новых знакомых я никак не мог переступить его. Ну извините, я и сам периодически поражаюсь своим способностям.

Светка вон тоже не знала, что я крючком вязать умею, а сейчас с гордостью щеголяет в шарфе, который я подарил ей на день рождения.

Ведьма, как мне показалось, презрительно фыркнула и, гордо вскинув голову, удалилась в сторону лифта.

– Андрей Александрович, пойдёте! Всё готово! Всё готово! – без остановки тараторил Неклюдов, дёргая меня за рукав и не давая насладиться видом уходящей Веры Борисовны. – Я покажу вам ваш кабинет, познакомлю с персоналом...

– Олег Дмитриевич, может быть, кофе? – предложила Леночка. – Ольга Михайловна тоже не вышла на работу, сказала, что вы ей отгулы предоставили.

– Потом! Я позвоню! – продолжал тянуть меня за рукав Неклюдов. – Елена, лучше займитесь своими прямыми обязанностями. Позвоните Якимову и выясните, почему он не вышел на работу.

Леночку явно распирало от любопытства, но Неклюдова это абсолютно не интересовало.

– Пойдёмте, Андрей Александрович! – вновь потянул меня за рукав вице-председатель. – Пойдёмте, я сейчас покажу вам, как у нас здесь всё устроено.

Посмотреть и впрямь было на что. Может быть, конечно, я просто слишком мало бывал в деловых центрах, но обычно офисы мне представлялись по-другому. Небольшие клетушки, разделённые пластиковыми перегородками, куча принтеров, факсов, ксероксов... Что там ещё в сериалах и американских фильмах показывают? А, точно! Огромный ксерокс и кулер с водичкой. Кстати, где он?

– Олег Дмитриевич, – поинтересовался я у Неклюдова, который только-только открыл рот, чтобы начать экскурсию, – а где у вас кулер?

– Кто? – распахнул глаза вице-председатель. – Зачем кулер? У нас в бутылках вода, нам её под заказ привозят.

– А-а-а, – глубокомысленно покивал я, чувствуя себя полным идиотом. – Ну если под заказ.

Короче, «Еремеевские мануфактуры» в мой стандарт офиса никак не вписывались. Огромное свободное пространство. Дорогой ковролин на полу. Панорамные окна, закрытые не жалюзи, а толстыми шторами. Стены увешаны картинами, и десятки самых разнообразных деревянных фигур по всему офису. Они стояли на полу, висели на обоях и даже на потолке.

Если честно, я вообще остановился и залюбовался таким великолепием. Поначалу мне показалось, что это просто фигуры абстрактных людей и животных, но потом я понял, что ошибаюсь. Некоторые образы я узнавал, и чем больше было такого узнавания, тем сильнее начинала потеть рубашка на моей спине.

Вот многорукая богиня Кали, известная в индуизме как уничтожительница демонов. Египетский сфинкс в деревянном исполнении смотрелся внушительно и совсем не отличался от каменного собрата. Голова Сирены с причёской из змей висела на стене, Жар-Птица или Алконост, никогда не знал, в чем различие, парила под потолком...

– Иван Максимович собирал эту коллекцию долгие годы, – негромко произнёс оказавшийся рядом Неклюдов. – Здесь нет ни одного новодела, у каждого предмета своя длинная и интересная история.

– Занятно, – только и смог произнести я, не отрывая взгляда от маленького старичка в шляпе с очень широкими полями. Последние несколько минут мне казалось, что у деревянной статуи живые глаза, и они внимательно следят за моим поведением.

– Иван Максимович считал, что наш бизнес нуждается в дополнительной защите. – Голос Неклюдова стал мягким, как патока. – Он утверждал, что в случае необходимости некоторые из этих истуканов обязательно придут нам на помощь.

Вот теперь я смотрел уже на вице-председателя. Он сейчас говорит серьёзно?

– Возможно, вы удивитесь, Андрей Александрович, – продолжал тем временем Олег Дмитриевич, – но некоторые деловые партнёры господина Еремеева никогда не были в нашем офисе.

В этот момент мне показалось, что я натуральным образом начинаю сходить с ума, потому что висящая на гардине возле окна белка при этих словах Неклюдова нагло мне подмигнула.

– Так, Олег Дмитриевич, – прервал я вице-президента. – Это всё наверняка интересно, но сейчас, если честно, я очень устал. Давайте обсудим вопросы, касающиеся Жана Мари Еремеева, и я поеду домой. Хорошо?

– Пойдёмте, – легко согласился Неклюдов. – Здесь у нас производственная площадь, а кабинеты руководства находятся вон в том крыле.

Я обернулся вслед за движением его руки, но разглядеть двери в причудливом декоре офиса оказалось затруднительно.

– Мой кабинет справа, в нём нет окон, – продолжал объяснять мне Неклюдов. – А кабинет Ивана Максимовича вон там, в конце коридора.

Голос вице-президента внезапно потух.

– Вернее, был его кабинет, – гораздо тише продолжил Неклюдов. – Теперь, наверное, ваш.

– Не мой, а нового владельца компании, – ещё раз напомнил я Олегу Дмитриевичу. – Возможно, что завтра вы меня здесь и не увидите.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.